

42.3
К 142

634(47урал)

142 ✓

ЯБЛОЧНЫЙ ПИР

920

8239 - ко

ЭК

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач

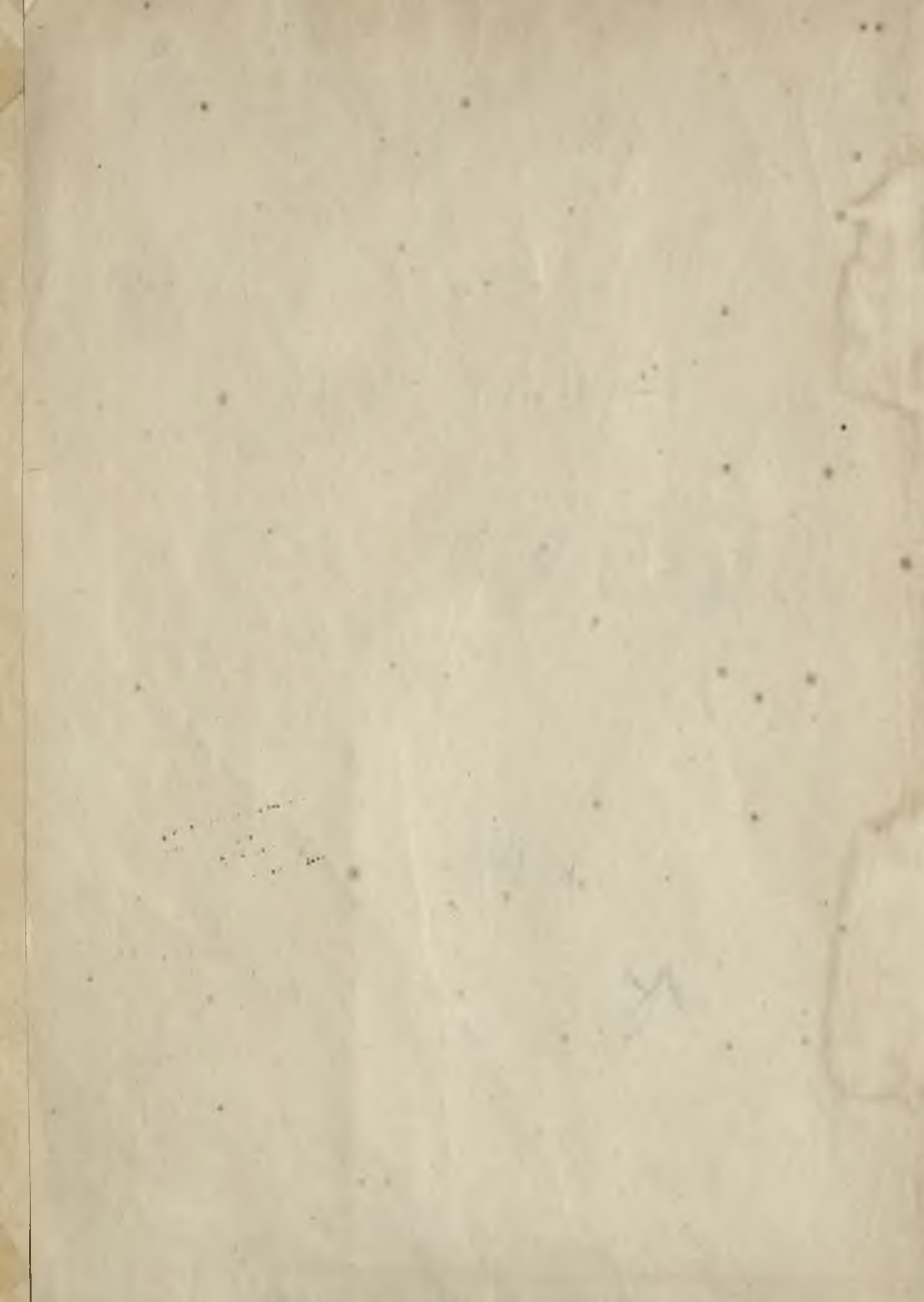
10.11.2014

11.12.2014

18
31

8239

18

42.3
634/1449
К 142

Д. КАЗАНЦЕВ

ЯБЛОЧНЫЙ ПИР

Обложка и рисунки художника
А. Бормотова

~~Отдел рай~~

КНИГОХРАНИЛИЩЕ
СЛ. БИБЛИОТЕКИ
г. СВЕРДЛОВСК

19 35
СВЕРДЛГИЗ

ЧИТАТЕЛЬ!

Эта книга—правдивый рассказ старого садовода Дмитрия Ивановича Казанцева—последователя Мичурина—о том, как он в суровом уральском климате выращивал культурные морозостойкие сорта яблонь и других фруктовых деревьев.

Прочтя книгу, напиши нам, что нового, полезного почерпнул ты из нее? Вызвала-ли она в тебе желание самому заниматься садоводством, и нет-ли в книге трудных, непонятных мест, которые нужно переработать или объяснить?

Сообщи о себе: кто ты, где живешь, сколько тебе лет и разводишь-ли ты плодовые деревья сам.

Пиши по адресу:

Свердловск, Банковский пер., 3, Государственное издательство, редактору юношеской литературы.

Уральские яблочки

О девайтесь-ка попроворней да поедемте со мной: я познакомлю вас с Кузьмой Осиповичем Рудым, — сказал, входя в мою квартиру, краснопольский учитель Зимин.

Я давно ждал этого случая. Еще задолго до этого я много слышал о Рудом и как об учителе, и как о первом тагильском садоводе.

Дело было вечером. Зимин приехал ко мне прямо из Краснополя на лошади. Мы сели с ним в сани и поехали.

Дом Рудого стоял не на улице, а на задворках. Сюда десятилетиями свозился навоз, всякий мусор. В конце-концов здесь вырос довольно большой холм, вдававшийся полуостровом в извилину небольшой реки.

На вершине этого холма и поставил Рудый себе дом, а вокруг него заложил фруктовый сад.

Когда мы подъехали к усадьбе, я невольно обратил внимание на торчавшие из-под снега жалкие тоненькие прутики сеянцев¹ яблони, которые густо сидели на грядах. Они были так чахлы и убоги, что казалось, никак не

¹ Сеянцы — растения, выращенные из семян.

смогут выдержать наших суровых морозов, и все обречены на гибель. Позади виднелись молодые, маленькие кустики смородины и крыжовника, наполовину занесенные снегом. За ними белело море снега.

На наш стук к нам вышел сам хозяин. Это был высокий, сухощавый человек с энергичными серыми глазами и окладистой бородой. Открыв ворота, он пригласил нас в свой недостроенный еще дом. Сразу же зашла речь о саде.

— Как это вы не боитесь, что все ваши сеянцы зимой замерзнут? Почему вы их не прикрыли?— спросил я.

Рудый улыбнулся.

— Если мерзнуть,— сказал он,— так пусть замерзнут сейчас, в эту же зиму. Погибнут те, которые ненадежны. Зато те, которые останутся живы сейчас, выдержат любой мороз и в дальнейшем. Я и посеял их не десятки, а тысячи. И если из этих тысяч выберется сотня-другая морозоустойчивых, а из них, в свою очередь, десяток с хорошими, вкусными плодами,— я и буду доволен.

— Почему же,— спросил я,— вы не выпишиваете из других мест уже привитые яблони? Ведь это было бы проще и надежнее?

Рудый безнадежно махнул рукой.

— Пробовал, выписывал. Невыдерживают, вымерзают. И досадно, что возишься, возишься с ними, кутаешь, обвязываешь, чтобы не замерзли, а они поростут год-два, много три

и гибнут. Вот почему я и решил перейти на выращивание яблонь из семян. Знаю, что большинство сеянцев или погибнет, или будет с нигуда негодными плодами. А сколько-нибудь всетаки выберется и годных сортов. Их-то вот я и буду размножать уже прививкой¹.

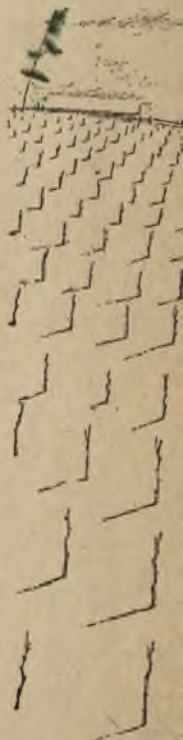
Долго продолжалась наша беседа. Оказалось, что оба они — Зимин и Рудый приехали из Западного края, где при каждом дворе разбит фруктовый сад. На Урале же никто не разводил садов и все думали, что разводить яблони — напрасное дело: погубят морозы.

И вот Рудый — в Тагиле, а Зимин — в Краснополье стали первые разводить у себя плодовые сады. Но Зимин не был настойчив, и после того, как козы обглодали его яблони, он забросил садоводство. Рудый же продолжал дело.

Прощаясь с хозяином, я попросил разрешения побывать у него весной и летом: как-то перенесут зимние морозы его яблони — малютки.

— Заходите, заходите. Здесь так мало людей, интересующихся плодоводством. Ведь если и сядят что-нибудь у себя, так только какую-нибудь черемуху да горькую рябину — и все этим кончается.

¹ На дичок прививают черенок другого сорта, обычно культурного, дающего плоды хорошего качества.

В начале мая я вновь направился к Рудому посмотреть, что делается в его саду. Меня очень интересовала участь тех жалких прутиков — сеянцев яблони, которые я видел в ноябре.

Когда я подошел к его усадьбе, глазам моим представилась такая картина. По всему угору, как муравьи, рассыпались ребята — ученики Рудого.

Одни копали ямки для посадки кустов крыжовника, смородины, другие садили кусты, третьи поливали посаженное.

Там вскапывали грядки для пикировки¹ сеянцев и для новых посевов, тут рассаживали на грядки прошлогодние сеянцы.

Рудый ходил среди них, указывая где, что и как садить, копать.

— Ну, что, — спросил я, здороваясь с Рудым: — как сохранились ваши питомцы?

— А вот, смотрите.

И он подвел меня к грядке, на которой зимовали сеянцы.

Все они были уже выкопаны, и больше половины их лежало хворостом, в куче, а остальные были рассажены пореже на другой грядке и уже стали двигаться в рост.

¹ Пикировка — пересадка культурных растений. При пикировке осторожно отщипывается небольшая часть главного корня, чтобы лучше развивались придаточные корни.

— Вот эти уже не погибнут от морозов. А погибнут — туда им и дорога, все равно из них ничего бы не вышло.

С той поры я часто стал бывать в саду Рудого. Он и вся его семья, как муравьи, копошились на усадьбе.

Сад пополнялся все новыми и новыми сеянцами. Появились сеянцы груши, клена и других редких на Урале деревьев.

Как-то в конце лета, в одно из моих посещений, Кузьма Осипович сказал мне:

— Ну, а теперь пойдёмте, я угощу вас своими яблочками.

Мы пошли в сад. Яблони были немножко выше человеческого роста. На некоторых из них красовались чуть румянившиеся небольшие, в грецкий орех, яблочки.

Рудый сорвал одно из них и сказал:

— Вот попробуйте.

Яблочко оказалось съедобным, но немного кисловатым.

Впервые ел я тогда уральские яблочки.

И в тот день твердо решил заняться их выращиванием.

Было это давно — в 1908 году.

Сад на свалке

рошло с той поры пять лет. Из Тагила я вскоре уехал. Жизнь моя складывалась так, что я никак не мог осуществить своей заветной мечты. Чтобы заняться садоводством, надо было где-то крепко „осесть“:

приобрести клочек земли.

В 1912 году поехал я в Екатеринбург. Работали мы с женой оба: я служил бухгалтером, жена учительствовала.

Через полтора года на трудовые сбережения удалось приобрести клочок земли. Теперь можно было заняться выращиванием яблонь.

Дело было в сентябре. Я сообщил сразу же Рудому о своей радости. Он прислал мне саженцев всякого рода. Тут были и сеянцы яблони и кустики крыжовника, смородины и барбариса.

Все это я прикопал в лежащем положении в землю и оставил так до весны.

Наступила весна 1914 года. Мой приятель, тоже садовод-любитель, получил откуда-то из-под Москвы около тридцати привитых яблонек разных сортов и охотно, на мой выбор, предоставил мне все сорта яблонь.

Я помнил, что у Рудого такие яблоньки вымерзали, но был убежден, что и среди культурных, привитых сортов можно найти такие, которые устоят против наших морозов. Да и климат в Екатеринбурге мне казался чуть помягче, чем в Тагиле. Яблоки же Рудого мне не нравились: слишком мелкие и терпкие. А я мечтал о крупных, сочных, сладких яблоках.

Вот почему я с радостью выбрал у приятеля три яблоньки: апорт, грушевку и боровинку.

Апорт, я знал, дает самое крупное и вкусное яблоко. Боровинка немного уступает ему, а грушевку взял наугад, не зная ее вкуса и только предполагая, что она чем-то схожа с грушей. К тому же она созревает уже в августе, раньше апорта и боровинки.

Принес домой и сразу же стал копать ямки для новых гостей.

В начале лета приехал Рудый. Посмотрел он на мои культурные яблоньки и скептически усмехнулся:

— Ничего не выйдет... Погибнут...

— Ну, и пусть гибнут. А попробовать все же следует,— ответил я.

— Я тоже в это дело не верю,— сказала моя жена:— не верю, что у нас будут свои яблоки. И смотрю на его работу в саду, как на пустое увлечение.

Никто из моих друзей и знакомых не верил в успех моего дела. Никто из них не

рассказывал, чтобы в Екатеринбурге у кого-нибудь росли яблони. Все уверяли, что здесь все культурные сорта яблони вымерзали.

Спорить было бесполезно. Надо было на деле доказать, что я прав. Кто знает, почему у этих плодоводов погибали яблони? Может быть, они неумело обращались с саженцами и неумело выбирали сорта яблонь. Обычно деревца привозились прасолами-садоводами из Саратова, Сызрани и других городов Приволжья. В дороге они подсыхали и сажались в землю уже больными, без достаточной влаги для роста.

„Нет, не климат Урала, не суровые наши морозы виноваты в гибели яблонь. А мы сами не умеем выращивать их“, — думал я.

Опыта у меня еще не было, но была крепкая уверенность, что ошибаются в своих предсказаниях екатеринбургские „малOVERы“.

В саду моем росли тополя, липы, сирень, шиповник, рябина, бузина и малина красная и белая.

Прежний хозяин дома жил в другом городе, а тут жили только квартиранты: ломовой извозчик, слесарь, прачки. Помои выливали во двор и в сад. Отбросы валялись где попало. Соседи, пользуясь тем, что забор свалился, отбросы тоже сваливали на эту же усадьбу. Вместо сада, была свалка нечистот.

Вот и принялся я за работу: часть тополей вырубил, часть высадил на улицу, малину посадил рядами возле заборов, саженцы и

яблоньки рассадил в разных местах усадьбы.

Теперь я все свободное от службы время проводил в саду. Работы в нем было уйма. Сколько было вывезено нечистот, камней, черепков и всякого мусора — уму непостижимо!

Зато как приятно было выйти в сад летом, когда зацвели сперва шиповник, потом липы, распространявшие всюду свой медовый аромат.

Я ходил по своей усадьбе героем. Еще бы! У меня в саду росли не только те яблони, что у Рудого, но и культурные сорта, в том числе и знаменитый апорт.

* *
*

Наступила осень. Надо было подумать о надвигающейся зиме с ее морозами. И вот я задумался над вопросом: как быть с посаженными культурными яблонями. Поступить ли мне так же, как Рудый, или принять какие-то меры к их защите.

Решил все-таки на первую зиму чем-нибудь их прикрыть.

Когда подмерзло, взял я рогожки и обернул ими три моих культурных яблони.

Пришла весна. Солнце стало пригревать землю. Появилась зелень. Пора было снимать рогожки с яблонь. С тревогой смотрел я на них. А что если они померзли? Рогожка все-таки очень слабая защита от наших морозов.

В конце апреля приступил я к удалению рогожек. Когда их снял, каждое деревцо стало расправлять понемногу свои прутики, как будто им надоело быть связанными непривычной одеждой.

Смотрю, у боровинки чуть-чуть показались темно-красные, как бисеринки, почки. „Значит жива“, — обрадовался я. Грушевка немножко позже тоже тронулась в рост. А вот апорт не проявлял никаких признаков жизни. А его-то мне особенно хотелось иметь. И взял я его именно из-за того, чтобы доказать маловеерам, что здесь можно выращивать не только сибирку да китайку, но и апорт¹. И вот он, мой апорт, стоял ни жив, ни мертв.

„Неужели, — думал я, — совсем он погиб?“

Так ходил я около него несколько дней. В конце-концов оказалось, что вся его крона (верхняя разветвленная часть дерева) померзла, кора на ней сморщилась, почки засохли. Подождал еще несколько дней и заметил немного ниже кроны новый побег, а внизу, чуть выше места прививки, еще два побега.

Тогда взял пилу и срезал верхнюю часть дерева с обмерзшей кроной.

Место среза сгладил острым садовым ножом и смазал садовым варом. После этой

¹ Сибирка и китайка дают маленькие плоды: яблоки сибирки величиной с клюкву, а китайки не больше ягод вишни. Апорт же дает крупные плоды до 250 грамм весом.

операции дерево выглядело изуродованным, жалким калекой.

Следовало бы удалить и нижние побеги, но я вспомнил совет главного садовника Московского сельскохозяйственного института Р. И. Шредера: если яблоня мороз не выдерживает, следует придать ей форму горизонтальной шпалеры. При ней растение не пускается вверх, а растет в лежащем положении.

Так я и сделал. По ту и другую сторону яблоньки вбил по колышку. Между ними натянул проволоку, и когда побеги внизу достаточно подросли, я согнул их почти под прямым углом на высоте двадцати пяти-тридцати сантиметров и подвязал их к этой проволоке. Пусть ветви растут в обе стороны от ствола, параллельно земле.

* *
*

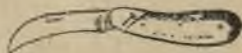
В это же лето купил я еще маленькую вишенку.

Хозяйка сада не советовала ее брать:

— Каждый год она вымерзает и ни разу еще не давала ягод. Это ведь вишня—шпанка...

Поглядел я на нежную вишенку и захотел иметь ее в своем саду. „Может быть, приживется у меня“,—подумал я.

Купил и посадил ее в самой теплый угол сада: к стене соседней бани на юго-запад.

А как только выпал первый снег, я всю вишенку забросал снегом. Вместо куста образовалась снежная куча.

Мой апорт тоже был весь закидан снегом, как теплым одеялом покрыт.

Под ним и вишенка и апорт прозимовали хорошо.

Мои путеше- ственники

Все было хорошо, и можно было бы радоваться на свой маленький сад. Но я не был доволен. Что это за сад, в котором посажены три культурных яблоньки да несколько сеянцев Рудого? Не о том мечтал я. Мне хотелось иметь много сортов яблонь, вишень, груш, чтобы испытать их в нашем климате.

Жадно читал я всякую литературу по садоводству, выписывал разные прейскуранты. И тогда же решил выписать растения из разных мест, близких нам по климату.

Написал письма в три места: в имение Новинки, близ Нижнего (теперь Горький), в деревню Кизерь на реке Вятке и в Красноярск.

Весна тогда была ранняя, теплая, с ветрами-суховеями. Ждал я, ждал своих растений — никак не мог дожждаться.

Первыми пришли деревца из деревни Кизерь. Ехали они ко мне свыше трех недель.

Но не в таком виде ожидал я встретить своих путешественников. Кроны яблонь черного дерева и антоновки полуторафунтовой совсем засохли, кора сморщилась.

Следом за кизерскими приехали деревца из Красноярска и тоже с засохшими кронами.

Но больше всех досталось растениям, отправленным с берегов Оки. Они путешествовали больше месяца и совсем пересохли: их корни не обложили мхом.

Что мне было делать? Кинулся я искать совета в литературе. В книгах рекомендовалось выкопать в земле канавку, глубиной сантиметров семьдесят, положить их в нее, засыпать рыхлой землей и поливать водой в течение двух-трех недель. И тогда растения оправятся.

Время было позднее. Стоял уже конец мая, вокруг все зеленело, а мои дальние путешественники только-что прибыли.

Я решил поступить иначе. Взял железную ванну, налил воды и опустили туда корни растений. Через два дня приступил к посадке.

Место для яблонек я приготовил заранее. Выкопал две канавы, глубиной в полметра и шириной в метр. Немного подалее выкопал такие же ямки. В середину ямки вбил колышки и вокруг каждого из них почти доверху, конусом набросал земли.

В день посадки вышла в сад моя семья.

Работа закипела. Я ставил яблоньку к колу на кучку земли, жена брала ее за верхушку и поддерживала, пока сын подбрасывал землю. Я расправлял корешки и зорко следил, чтобы не образовалось между ними хотя бы небольшой пустоты. Маленькая Галя таскала

воду в красных игрушечных ведерках и поливала посаженные яблоньки.

К вечеру все было посажено и полито.

Дня через два земля осела, и я уже сам подвязал яблоньки к кольям.

Теперь на месте свалки высывались из земли десятки маленьких, некрасивых, пока голых, деревцев.

Как изменилась моя усадьба! Чего-чего теперь тут только не было!

Тут были двадцать культурных яблонек разных сортов, пятнадцать сеянцев Рудого, три груши, четыре культурных вишни, шесть кустиков вишни неизвестных сортов, малина белая, пять сортов красной малины, ирга, смородина черная обыкновенная и черная таежная, смородина белая, красная, синяя, слива уссурийская, барбарис, крыжовник зеленый гладкий, зеленый мохнатый, крыжовник красный, ежевика, клубника, белая земляника, рябина, черемуха, калина.

Тут же были тополь, липа, сирень, шиповник, роза „царица севера“, жасмин, клен американский ясенелистный, бузина, татарская жимолость, береза, ель, вереск, желтая акация, верба. Я живо представлял себе, как зазеленеет и расцветет мой сад.

Вскоре приехал ко мне Рудый.

— Ну-ка, покажи, что насадил?— спросил он.

— Пойдем, погляди. Теперь все у меня есть.

Осмотрел он мои деревца и сказал:
— Все погибнет. Вот разве что красно-
ярские сохрятся...

Промолчал я: неприятно было мне это слышать.

Ходил я от одного растения к другому и с тревогой всматривался, как они живут, как себя чувствуют.

У многих пришлось срезать засохшие ветки. У яблоньки — гибрида¹ хутора Благодарного, что прибыл из Красноярска, из всей кроны осталась живой одна только ветка, остальные пришлось срезать.

Большинство саженцев выглядели слабыми, болезненными, полузасохшими кустиками.

Надвигалась зима. Надо было чем-то защитить моих питомцев от мороза. Стал я собирать рогожи, мешки, кули и заворачивать в них кроны растений.

От более надежной защиты от мороза я опять-таки сознательно отказался. В этом случае я рассуждал так же, как Рудый: „Если гибнуть, так пусть гибнут теперь же“.

Но некоторое прикрытие мне казалось необходимым, как необходима бывает более теплая одежда для слабых людей.

Как и следовало ожидать, в первую же зиму совсем померзли яблоньки: налив красный, штрейфлинг, черное дерево волжское

¹ Г и б р и д — помесь, получившаяся после скрещивания разных сортов растения.

и антоновка полуторафунтовая. Погибли совсем и обе груши и малина суперлятив. У ренета Крюднера и черного дерева лифляндского померзли все кроны и половина штамба. У сливы уссурийской померзла верхинка и появилось камедестечение¹.

Но что же было причиной гибели моих путешественников? Уральские морозы?

Нет, климат Урала тут не при чем. Виноват был главным образом я сам.

Моя первая ошибка была в том, что я выписал деревья весной. Ведь я знал, что им предстоит совершить длительное путешествие да еще с пересадкой с парохода в вагон поезда.

Вот если бы я выписал деревья осенью, тогда другое дело. Осенью обычно сыро, прохладно, и тянется осень дольше, чем весна, и потому отправитель может не спешить с отправкой.

И вторая моя ошибка в том, что я не прикопал растений так, как рекомендовали мне книги.

Растения же были плохо упакованы. Корешки — самая нежная часть растения — не были обложены мокрым мхом. Они, как рыба, вынутая из воды, стали умирать от губительного сухого воздуха.

¹ На сливах и вишнях иногда в поврежденных местах начинается выделение сока — камеди. Это истощает дерево и ухудшает качество плодов.

Я же не принял всех мер, чтобы их ожить. Поэтому растения стали гибнуть одно за другим; одно — раньше, другое — позже. Они не имели в себе достаточно сил, чтобы бороться с уральскими морозами.

Меня радовали только вишни. Во второй половине мая они зацвели. Особенно много было цвета на местной уральской вишне. Ростом она доходила мне всего до пояса. Настоящий карлик! Вся в цветах, стоит как пышный букет.

У вишни шпанки цветы были самыми крупными.

После работы я часто садился в складное садовое кресло и любовался цветением вишни. Невольно вспоминались слова поэта:

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят...

Уже отцветали вишни, как вдруг в конце мая пал сильный иней. Вода в кадке замерзла. Температура упала до 2,2 градуса ниже нуля. Цветы и завязи плодов померзли, и только кое-где внизу, у самой земли, под прикрытием верхних ветвей, сохранились живые цветы.

Они-то и дали нам первые ягоды. На местной вишне висели мелкие ягоды, кисловатые на вкус, зато на шпанке встречались ягоды весом до семи грамм.

„Ни разу она еще не давала ягод“, — вспомнил я слова хозяйки. Теперь это уже была неправда. Шпанка дала свои первые ягоды.

На другое лето еще пышнее цвели вишни. Заморозков во время цветения не было.

Пришла к нам как-то соседка, увидела шпанку в цвету, так и ахнула: — „Ну и красота!“ После того каждый раз просила: — „Покажите мне еще раз красавицу“.

А мой отец, семидесятилетний старик, никогда сроду не видавший вишневых кустов с ягодами, все говорил мне:

— Разводи больше вишенья..

Дали вишни большой урожай.

О ш и б к и

ледующая зима унесла три яблони. Погибли астраханская красная, титовка и сахарная.

Непобедимая Грелля прошлые два года росла хорошо и весной тоже неплохо себя чувствовала (росла она красивой пирамидкой), но с половины лета стала сохнуть.

Ходил я около нее и с удивлением и грустью смотрел на ее умирание. Не мог понять, отчего она гибнет.

Так она к концу лета и засохла.

Наступило другое лето. Стал я ее, совсем засохшую, вытаскивать из земли и... открыл причину гибели.

На ней, в самом низу ствола, на тонкой проволочке висел ярлычек с названием. Пока яблоня была маленькой и тонкой, этот ярлык не мешал ей расти. А позднее, когда она стала толстеть, тонкая проволочка врезалась в ствол дерева и задушила его. Течение соков прекратилось, и, не получая питания, моя непобедимая Грелля погибла.

Она хорошо переносила морозы в Красноярске. Она должна была и у нас, на Урале, хорошо расти.

Так вот, если вы будете разводить пло-
довый сад, вспомните про непобедимую
Греллю и не думайте, что ее нельзя разво-
дить на Урале. Наоборот: ее непременно
надо сажать,—каждый садовод будет благо-
дарен.

В этом же году погиб у меня белый на-
лив. Рос он хорошо. Только на мое горе,—
посадил я его близко к забору, через кото-
рый уже начали перебираться мальчики.

— Что будет с наливом, когда зажелтеют
на ветвях первые яблоки?—думал я.—Ко-
нечно, непрощенные посетители оборвут их
и обломают ветви.

Решил перенести яблоню на другое ме-
сто. Выбрал наиболее отдаленный и безопас-
ный уголок, выкопал ямку и стал пересажи-
вать. Хотя земля уже оттаяла, но наверху
лежал только-что выпавший снег.

Пересадку деревьев я делал тогда еще
впервые и не знал, как нужно деревцо вы-
капывать. Казалось, это очень просто, а когда
стал делать, увидел, что тут нужно и знание,
и умение, и осторожность.

Я поставил лопату лицом к деревцу и
наступил на нее ногой. Врезалась она в
землю неподалеку от штамба¹ деревца и
перерезала корни, скрытые землей. Самая
важная часть—мочковатые мелкие концы

¹ Штамб — ствол дерева от поверхности земли
до начала образования веток.

корешков остались в земле, отрезанные от дерева, а корни получили ранения.

Заметив это, я уже ставил лопату ребром к дереву. Так и начать надо было: при таком выкапывании корни вывертываются из земли вместе с земляным комом.

Когда мне показалось, что растение кругом окопано уже достаточно, и что пора его вынимать, я взял его за штабик и начал тянуть. Но не тут-то было. Дерево еще крепко держалось в земле.

Еще немного покопал. Попробовал. Нет, не дается.

Засунул я тогда лопату под корни, по направлению к стволу, и давай выворачивать деревцо.

Что-то треснуло, ком земли вместе с корнями поднялся, и я вытащил деревцо из ямы.

И что же? Корень, который, как говорят, шел редькой в землю, оказался отрезанным моей лопатой.

Не сгладив ран на корнях, поспешил поскорее посадить растение в приготовленную яму. А когда насыпал в яму земли и засыпал корешки дерева, то вместе с землей набросал и выпавший снег. Так, я думал, будет лучше,— растение получит больше влаги.

На самом же деле получилось по-другому. Зарытый в землю снег таял очень медленно, и низкая температура задерживала рост растения. Жизнь корней замерла. Раненные, закопанные в сырую, холодную землю,

корни стали гнить. Сколько я ни ходил после того около яблони, сколько ее ни поливал—белый налив так и не отрос. Но я все-таки хотел во что бы то ни стало развести в своем саду белый налив.

Я решил взять черенки из сада доктора Арнольдова и привить их на сеянцы Рудого.

Был у доктора сад на том месте, где теперь стоит клуб имени Максима Горького.

Пошел я к доктору ранним утром. Вхожу во двор, вижу под навесом стоит старичок в короткой поддевке, простых сапогах и пилит дрова.

— Где можно видеть доктора Арнольдова? — сказал я.

— Это я. Что вам угодно? — спросил старичек.

Я рассказал ему свое горе.

— Пойдемте в мой сад.

У доктора был небольшой, но редкостный сад. Тут были и яблони в возрасте около тридцати лет, и могучий дуб, и клен, и серебристая ель, и орех, и даже знаменитый китайский корень жень-шень.

Я ходил по саду, как по музею, с удивлением разглядывая редкие для Урала растения.

— Вот вам белый налив,—сказал мне хозяин, подойдя к одной из яблонь:— можете резать сколько вам надо черенков.

Яблоня еще стояла безлиственной, почки не тронулись в рост. По внешнему виду

ветки не подмерзли за зиму, и, значит, черенки были вполне пригодны для прививки.

Я тотчас же вынул перочинный нож и нарезал пять однолетних побегов.

Распрощавшись с хозяином, я поспешил на службу. Там черенки завернул в мокрую тряпку, чтобы предохранить их от высыхания. Вечером того же дня приступил к прививке.

Но как делать прививку? Я впервые принимался за это дело. Больше того: я даже не видел живого примера.

Стал я делать так, как описывалось в книге, но когда читал и смотрел на рисунки, мне все казалось простым и легким, а когда стал сам делать, все выходило как-то не так.

На рисунке было видно, что привой — черенок культурного сорта — плотно во всех местах прилегает к подвою — тому растению, на которое черенок прививается. А я сколько ни старался, никак не мог плотно приложить черенок: то где-нибудь сбоку неплотно прилегает побег, то сверху. Срезал бугорок на черенке — образовалась ямка, опять пустота между привоем и подвоем.

Понял я, что и в прививке нужен навык.

Не думайте, однако, что прививка трудное или секретное дело. Не надо только сразу начинать прививку настоящих черенков, необходимо сначала попрактиковаться на ветках рябины, черемухи, березы, — и только тогда получатся правильные срезы,

плотно прилегающие один к другому. Так делают и опытные садоводы.

Долго провозился я с прививкой, но все-таки сделал. Белый налив снова появился в моем саду. Но стыдно сознаться,—я снова его сгубил. Только подросло мое дерево, я стал пересаживать его на постоянное место и сильно поранил, а главное, оборвал корни. Белый налив, прочахнув с год, погиб.

И досадно мне было и обидно, но винить некого — сам виноват!

Так делал я одну ошибку за другой.

* * *

В конце мая 1918 года зацвели боровинка, грушевка, хорошавка алая, пурпуровое. Особенно много цвету было на хорошавке. Красива она была в это время!

Глядя на нее, я раздумывал: как быть? Рано яблонька приносит плоды, истощится раньше времени. Лучше бы оборвать весь цвет.

Но сильно хотелось мне получить яблоки в нынешнем году. Не выдержал я и оставил на хорошавке пятнадцать цветков. Остальные тридцать пять оборвал.

Из пятнадцати цветков образовалось четырнадцать завязей.

Не под силу оказалось маленькому дереву вскормить четырнадцать яблочков. Ветки отдали плодам все, что могли дать. И все-

таки пищи оказалось недостаточно. Яблоки выросли маленькими, меньше куриного яйца.

Не учел я, что хорошавка выросла в более мягком климате, перенесла все невзгоды в длительном путешествии и должна была теперь окрепнуть, набирать силы для жизни в новой среде.

Я же позволил ей эти, еще малые, силы бросить на выращивание плодов.

И дерево обессилело.

В первые же морозы деревцо замерзло, и пришлось его выбросить.

Яблоко! Яблоко!

а пурпуровом и боровинке завязи осыпались. На грушевке росли два яблочка. Все лето наблюдал я, как они наливаются. Ждал, когда поспеют.

В конце августа я увидел на земле, около грушевки, упавшее яблоко. Оно было круглое, как репка, и бурозеленое, как листья яблони.

Я покачал его на руке — яблоко весило около сорока грамм.

— Яблоко! Яблоко! — закричал я, входя в дом.

Вся семья вскочила от радости.

Еще бы! У нас выросло яблоко.

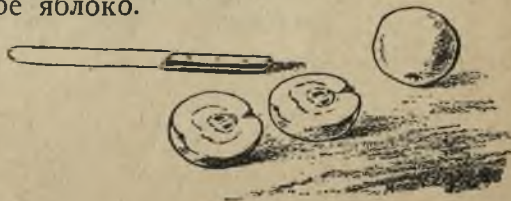
Через день грушевка сбросила и второе, последнее яблоко. Положил я их в буфет, как великую драгоценность, все только ходил около него, понюхивал и ощупывал.

Недели через две созвал я свою семью к буфету и торжественно вынул яблоко.

— На-ка, Фома неверная, попробуй, — сказал я жене, подавая четверть яблока.

— Чуть-чуть с кваском, — сказала жена с довольной улыбкой.

— Как груша, — заявила Галя. — А ну-ка, папа, разрежь и другое яблоко.

Всем понравились яблоки. А всех больше я был доволен.

Эта грушевка на другое лето дала уже двадцать яблок. Все мои знакомые удивлялись: „Не может быть, чтобы здесь выросли эти яблоки, вы нас морочите...“

Не веря нашим словам, они приходили в сад и руками ощупывали яблоки, висевшие на ветках.

В конце сентября и с апорта я снял два яблока. С того апорта, которому я обрезал померзшую крону и придал шпалерную форму.

Яблоки были крупные с ярким румянцем на одном боку. Я положил их опять в буфет на лежку. Они издавали такой аромат, что мы его слышали еще на пороге, входя в комнату. А кожица блестела, как смазанная маслом.

Когда они достаточно вылежались, я снова торжественно разделил их на четыре части.

Как передать вкус яблока, которое вырастил сам! Как передать радость от того, что в руке держишь апорт, выросший на Урале!

* *
*

Мой апорт рос на чужих корнях. Обычно все привитые деревья растут на чужих корнях.

Но я знал из книг, что яблоня может расти и на своих корнях, и тогда она будет плодородней и выносливей. Я и решил заставить апорт „родить“ корни.

В начале августа взял садовый нож, надрезал внизу веточки апорта, надломил и опустил их во взрыхленную под ними землю.

А потом нарезал рогулек из тополя, припилил ими ветки апорта к земле и обильно полил водой.

Нехотя давала яблоня корни из ветвей. Неотрезанная половина ветки продолжала отдавать сок от ствола к вершине. Другая половина (с надрезом) медленно начинала выпускать в землю корни.

Только на третью весну веточка апорта перешла на иждивение собственных корней.

Осенью я решил отсадить на постоянные места четыре ветки апорта. Корешки у них были еще слабые. Я же не учел, что зимы у нас суровые, земля промерзает основательно, и не принял никаких мер к защите их от мороза. В первую же зиму три побега погибли. Осталось только одно деревцо.

Однажды весенним утром я не нашел его на месте. Апорт исчез. Что за чудо, куда деревцо могло деваться? Если ктонибудь вырвал, осталась бы ямка. С чрезвычайным удивлением глядел я на то место, где рос апорт. Пошарил рукой и наткнулся на острый, едва заметный пенек.

Кто же уничтожил мой апорт?

Огляделся по сторонам и увидел виновника: невдалеке по саду прыгал мой кролик Мишка.

— Ах, негодяй! Что ты наделал?— закричал я.

Кролик проскакал немного, сел и с самым невинным видом стал передними лапками чистить свою мордочку.

Апорт все-таки не погиб. Из оставшихся в земле корешков вышел новый побег. Он оказался не дичком, а разросся большим кустом и стал давать крупные вкусные яблоки.

* * *

Из всех яблонь крепче и здоровее была грушевка. В 1920 году я ждал, что она даст мне уже не двадцать яблок, а сотню, а то и больше.

Наступила весна. Я опасался, что во время цветения ударит утренник и погибнет цвет. И я решил задержать цветение грушевки до более теплой поры.

Отоптал вокруг ствола снег и положил сверху навоз. Теперь солнечные лучи не так быстро растопят снег, скрытый под навозом. Если снег не растает, не растает под ним и земля, и, значит, корни деревца не будут работать, и все дерево проснется от зимней спячки значительно позднее.

Так рассуждал я. Так говорили и книги. А случилось другое.

Март выдался особенно теплым. Днем термометр показывал $+12,4^{\circ}$, а ночью наступало резкое падение температуры до $-13,2^{\circ}$. Кора яблонь за день успевала оттаивать, а ночью замерзала.

Мне бы нужно было побелить стволы яблонь известью. Тогда бы дерево не получило ожогов — белая кора отразила бы солнечные лучи, а известь, как одежда, защитила бы от морозов.

Я этого не сделал. Земля оттаять еще не успела, а в стволе и кроне дерева началось движение соков. Корни же лежали в мерзлой земле и не могли подавать сок из земли. Дерево стало сохнуть. Кора сморщилась, где был ожог, стала тоньше, побурела.

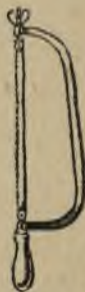
Ожоги были не только на грушевке, но и на других деревьях. Сад погибал. Только решительные меры могли спасти его.

Я взял нож и вырезал на всех поврежденных стволах обоженные места, а где повреждения были более значительными, срезал пилой штаб до здорового места.

Этим я спас несколько яблонь.

Не спас только грушевку. Как неопытный хирург, я не сразу сделал нужную операцию. Срезал засохшие ветки, вырезал обоженную кору, а срезать большую часть штаба, как следовало сделать, не решился. Жаль было свою любимицу.

Тем временем она все больше и больше сохла. И когда я срезал большую часть

штамба, было уже поздно — из пенька пошел было побег, но вскоре засох.

Вместе с грушевкой погибли еще две яблоньки: пурпуровая и репка красная. Первую я неправильно подрезал, и ее поразила болезнь — огневица. Вторую обложил свежим конским навозом и слегка прикопал его к корням. Хотелось помочь ей поскорей вырасти, а на деле оказалось, что корни яблони загнили, и растение погибло.

На этом мои невзгоды не кончились.

Однажды зимой козы соседа забрались в мой сад и обглодали почти все яблони. Уцелели лишь антоновка, анис да одна из сибирок.

Срезал я обглоданные деревья.

Не прошло и недели, как ночью вырвалась из стайки моя коза и обглодала весь штаб аниса, вплоть до самой земли.

Тут уж я так рассвирепел, что немедленно взял нож и собственноручно эту козу прирезал. Конечно, этим не вернул жизнь анису. Весной на дереве начали было распускаться цветочки и засохли. Спасти его было невозможно.

Мой сад опустел. В нем, как остатки зубов во рту старого человека, торчали одинокие, жалкие деревья. Из четырех десятков яблонь сохранилось только восемь. Вместо двадцати шести культурных сортов осталось четыре, да и те начали расти снова, как будто только-что начинали жизнь.

На пустыре, как после пожарища, посадили мы картошку, капусту и морковь.

Что было делать?

Признать себя побежденным после восьми лет работы в саду и отбросить свою заветную мечту развести плодовый сад, или, учтя свои ошибки, начать все снова и доказать своим опытом, что на Урале могут расти яблони?

Я выбрал второй путь.

В гостях у Перевошикова

Еще задолго до начала моих работ в саду я узнал, что в пятнадцати километрах от Уржума, в деревне Кизерь, на реке Вятке живет старый садовод-любитель Перевошиков.

От него я получил саженцы и изредка переписывался с ним.

Как-то в одном из писем он предложил мне побывать у него в саду для пользы дела.

Я стоял на распутьи, не зная, с чего начинать мне в своем опустевшем саду. У Перевошикова я ожидал найти ответ на свои недоуменные вопросы.

В июне, как только я получил отпуск, я выехал в Пермь. Доехав на пароходе до пристани Соколки, я пересел с камского парохода на вятский и от пристани Шурмы на лошади доехал до деревни Кизерь.

Аггей Федорович Перевошиков был мал ростом и худ. Он сильно хромал и опирался на крепкую палочку-клюшку.

— И сам замучился и меня замучил, — жаловалась его жена, маленькая, добродушная старушка. — С раннего утра до поздней ночи все ковыляет по саду, роется в нем

до потемок, а с рассветом снова принимается за работу. Все он возится с сеянцами, прививками, выводит да закрепляет новые сорта. Все говорю, чтобы бросил свои опыты, а завел бы просто доходный сад. Так нет, не может уняться—это ему неинтересно. Ладно еще пасека нас немного поддерживает.

Утром, напившись чаю, мы с Аггеем Федоровичем пошли в его „домашний“ сад. Он был расположен позади дома и занимал площадь около полугектара.

Сразу же при входе в сад меня поразили яблони. Раза в полтора выше меня, с тонким, как оглобля, стволом, они имели коротко обрезанные сучья, на концах которых торчали тонкие черенки. Тут были черенки и ныне привитые, и привитые в прошлом и позапрошлом году. На сучьях висели ярлычки с названием привитого сорта.

Осматривая ярлычки, я с удивлением нашел, что на некоторых деревьях было привито по несколько сортов.

— Это маточные яблони, — пояснил Аггей Федорович: — они не боятся мороза, но дают плохие яблоки. На них я и прививаю хорошие, но нежные, вымерзающие сорта. Выросший за год черенок я срезаю и снова прививаю к этому же, или к другому такому же крепкому, не боящемуся морозов дереву. На следующий год я опять перепрививаю черенок. И так проделываю до

четырёх раз. А так как таких сортов много, то бывает на одном дереве их накапливается до двенадцати сортов.

Для меня было ясно, чего добивался Перевощиков.

Здоровый, взрослый подвой питает своими соками нежный привой и каждый раз передает ему от себя некоторую долю морозостойчивости. И вот когда Перевощиков повторит такую операцию четыре раза, полученный сорт не будет бояться мороза.

Здесь же в саду росли кустарники: смородина белая и красная, малина, на грядках краснела крупная земляника. Между редко посаженными кустиками лежал толстый слой навоза.

Через час мы отправились в главный „полевой“ сад Аггея Федоровича.

Сад находился в двух километрах от деревни Кизерь, около проселочной дороги. Огорожен был частоколом, и кругом по опушке росли, как защита, елки. У ворот в маленькой избушке жил сторож.

„Полевой“ сад был в несколько раз больше „домашнего“.

Яблони стояли правильными рядами. В стороне был заложен небольшой питомник. Здесь на нескольких грядках росли сеянцы.

Ими особенно гордился Аггей Федорович, на них возлагая все надежды. Он стал перечислять, кто были отец и мать этих малюток.

Сеянцы произошли от семян тех плодов, которые получились путем скрещивания морозоустойчивых сортов с нежными.

В этом же питомнике росли яблони, которые были привиты черенками, закрепленными путем повторных перепрививок до полной выносливости к морозам.

Рядом с питомником лежал участок с разными опытными посадками.

— Вот черешня,— показал хозяин,— осенью я с одной стороны подкопал ее корни и пригнул к земле, сверху прикрыл хворостом и соломой потолще. Под снегом она и сохранилась. Когда снег стаял, я с нее снял хворост и солому и опять поставил вертикально. А это вот вишня Кизерская. Я вывел ее из семян, полученных от скрещивания дикой вишни с культурной. От морозов не страдает и имеет очень маленькую косточку. Она кисловата, но для варенья хороша.

На участке росли и сливы, и виноград, и терн¹. Но все они росли как опытные, недостаточно проверенные в нашем климате.

Много рассказывал Аггей Федорович о происхождении каждого сорта. На обратном пути он с увлечением давал советы, как вести плодоводство.

¹ Терн — колючий кустарник. Приносит мелкие терпкие и кислые плоды. Они идут на варенье и маринады.

На пристани, возвращаясь домой, я познакомился с тестем Перевощикова — крепким седым стариком.

— Непутевый человек! — сказал мне старик, рассказывая про своего зятя. — В молодости увлекался лошадьми, а теперь вот уже лет тридцать возится все с садами. Все, что оставил отец, прожил без остатка. Ищет чего-то небывалого, нового, а собирать-то нечего.

Ничего я не сказал старику о своих опытах. В его представлении я показался бы таким же „непутевым человеком“.

* * *

Приехал я домой и начал понемногу восстанавливать свой сад. Срезал яблони, обглоданные козами. От оставшихся в земле корней пошли побеги. Если бы их оставить расти, из них вышли бы никуда негодные дички.

И вот весной взял я два черенка апорта и привил их на побеги обглоданной сибирки. Обе прививки принялись и стали расти дружно. Сделал прививки я и на других деревьях.

Летом впервые зацвела антоновка. Правда, образовалась одна только завязь. Единственная во всем саду и первая на антоновке. Все ждал я, когда яблоко упадет, но так и не дождался.

Первого октября снял его и взвесил. Оказалось, сто пятьдесят пять грамм.

Снова появилась надежда на возрождение сада. Понял я, что выращивать яблони нужно осторожно и умеючи. Нельзя вести плодоводство „наугад по-вятски“, а нужен строгий, точный учет урожая и запись всех наблюдений над жизнью дерева.

Вот, например, говорят: „такой-то сорт дерева малоурожаен, а другой — урожаен“. Что это значит — установить невозможно, так как не даны точные цифры.

Или говорят: „такой-то сорт морозоустойчив“. Опять неясно, насколько выносливо дерево, и подойдет ли оно к нашему климату.

Точная запись всех наблюдений над деревом, цифры — вот самое убедительное доказательство.

И я решил заняться этим. Прежде всего, выдал каждой яблоне паспорт, где отметил ее имя, возраст, происхождение и местожительство.

Паспорт имел свой номер. В общий журнал внес я все номера и стал аккуратно записывать все происшествия в жизни яблонь.

Вы можете открыть когда угодно мой журнал и всегда увидите, что случилось за сегодняшний день в саду. Ежедневная хроника самых маленьких и больших событий.

Завел я еще маленькую книжечку. Здесь были только цифры. Сюда я ежедневно

записывал количество и вес собранных с каждой яблони плодов. Теперь я уже мог точно сказать, что такая-то яблоня дала столько-то яблок.

Установил я в саду большие строгости: с дерева нельзя сорвать ни одного яблока, нельзя взять с земли и упавшее. Только после записи и взвешивания можно брать.

„Цифры скучны“ — скажет мой читатель.

Нет! Их можно превратить в рисунки, диаграммы, и тогда они лучше слов скажут нам, как живет дерево.

Зеленое яблоко

Пришлось мне летом быть в Туринске. Десятилетний сын хозяина, у которого я остановился, принес домой довольно крупное яблоко, но зеленое и грубое.

— Где ты, Ваня, взял яблоко? — спросил я.

— У Жукова, в саду, — смущенно ответил мальчик.

— Оно совсем еще не поспело. Жуков, может быть, много лет выращивал это яблоко, и только яблоку бы наливаться, а ты его оборвал. Все равно ты не станешь его есть. Зря сорвал ты его, — сказал я ему.

Стыдно стало Ване. Покраснел он и прогорил тихо:

— Не буду больше...

В тот же день я пошел к Жукову.

— Хочется посмотреть, какие у вас растут яблоки, — сказал я.

Он недоверчиво смерил меня с головы до ног и повел меня в свой сад. Позади двора в небольшом саду росли пять яблонь, черемуха, рябина и жимолость.

Старик взглянул на одну обломанную яблоню и вспылил:

— Ах, черти! Опять украли яблоко. Растил, растил, ходил, ходил — пришли дикари — оборвали. Смотрите, вон и ветку обломали.

Действительно, грустно было видеть обломанную яблоню. Обидно было и за старика, и за дерево. Чем оно, скажите, провинилось перед человеком?

— Откуда вы получили эту яблоньку? — спросил я Жукова, указывая на китайку с мелкими уже покрасневшими яблочками.

— Ни откуда я не получал, а вырастил сам из семян. Все мои яблоньки выросли из семян. Я считаю, что у нас просто надо высевать семена из хороших покупных яблок и хорошо, по культурному выращивать. Негодные сеянцы выбрасывать, а хорошие оставлять и размножать.

Разговор с Жуковым заставил меня задуматься. И Рудый, и Жуков, и Спирин делают упор на посев семян. Что заставляет их прибегать к этому способу? Яблоки у Рудого были кислые и маленькие. Только у Жукова впервые я видел крупное яблоко.

Решил я испытать в своем саду и посев семян. На рынке купил яблоки боровинки, собрал зрелые полные семена из своих яблок — апорта, гибрида хутора Благодагного, взял семена китайки и посеял.

Ценные посылки

Написал письмо Аггею Федоровичу, просил прислать саженцев, хотя бы однолеток.

В начале ноября получил от него маленькую, похожую на балалайку, посылочку.

Не без волнения стал ее распаковывать. Как-то сохранились в ней малолетки? Ведь они были в пути целых девять дней.

Вскрыл посылочку. Обернутые в холст и бумагу, лежали в ней семь маленьких однолетних яблонек. Корни были тщательно обложены мхом, который даже не успел просохнуть.

Видно было, что растения упакованы любящей опытной рукой.

„Я сам выкапывал и сам упаковывал растения, — писал мне Перевошиков. — Старался как можно меньше повредить корни. Послал я вам те сорта, которые вполне выносливы. Кизерская красавица, вероятно, уже через год или два даст вам первые плоды. Только дундик — сорт ненадежный. Но вы его сами просили.

Смотрите, не разочаровывайтесь в плодотворстве. Если умело посадите, то вперед могу сказать, что эти дерева

будут служить основанием для вашего помологического сада¹“.

Меня немного обидели слова Перевощикова: „если умело посадите“. Неужели я после десяти лет работы в саду еще не научился садить правильно?

И только спустя еще десять лет я понял, что Перевощиков был прав.

Однажды весной я посадил в один и тот же день две яблоньки: антоновку и ренет Крюднера. Посадку сделал не так, как нужно: слишком высоко.

Особенно высоко был посажен ренет Крюднера. Корни его лежали поверх земли, и от этого вокруг всей корневой шейки густо разрослись отпрыски — „волчки“. Эти маленькие зеленые отростки истощали дерево, отнимали от него питательные соки.

Рос ренет слабым, хилым и, как только ударили морозы, обмерз.

Много лет он не давал плодов и только на семнадцатом году дал первое яблоко. Всего я снял с ренета восемь яблок.

С антоновки же, у которой корни лежали в земле, собрал за то же время шестьсот одиннадцать яблок.

Тут только я убедился как важно правильно посадить дерево. Ведь яблоня живет зачастую до ста лет. А садят ее один раз.

¹ Сад, в котором разводятся и изучаются различные сорта плодовых деревьев.

Можно, конечно, исправить свои ошибки пересадкой дерева. Но это опасно. Я два раза производил пересадку дерева, и в обоих случаях яблони не выдерживали переселения с одного места на другое и погибали.

Теперь я уже производжу посадку очень осторожно. Строго соблюдаю все, что сказано об этом в специальных руководствах.

Главное: умело разместить в земле корни. От них зависит жизнь дерева, они добывают из земли воду и питательные вещества.

Прежде всего я расправляю корни во все стороны, стараясь не перепутать, не повредить, особенно мелкие тонкие корешки, слежу за тем, чтобы они не загибались кверху или к стволу, чтобы между ними не оставалось пустот и сглаживаю ранения на корнях, если случайно обрезал лопатой.

Итак, получив от Перевощикова саженцы, я сейчас же часть прикопал в землю в лежащем положении, а часть посадил на постоянное место.

На зиму две высаженные яблоньки обвязал пихтовыми лапками, а сверху тряпками. Другие остались спать под снегом.

В саду уже было теперь опять пятнадцать яблонек.

Выписал еще десяток трехлетних саженцев из Ленинграда.

Через неделю приехали мои ленинградские путешественники. Но в каком виде! Стволы кривые, крона выведена неправильно,

мочковатых корней мало, а у некоторых совсем нет.

Не деревья, а уроды. По всему было заметно, что росли они в саду беспризорниками, выкопаны и упакованы небрежно, корни даже мхом не обложены. Хорошо, что ехали растения осенью и в пути недолго находились, потому корни и не пересохли.

Подосадовал я, но не выбросил деревья — пожалел и прикопал их в лежачем положении в землю.

Весной Рудый прислал мне своих саженцев. Местный политехнический институт дал шесть корней облепихи¹, сливу уссурийскую² и барбарис пурпуrolистный³.

В саду стало веселей. Но все это было не то. Не было у меня полного удовлетворения.

Знал я, что в Козлове, Тамбовской губернии, живет знаменитый садовод Иван Владимирович Мичурин.

Его питомник тогда уже был объявлен государственным, и на московской сельскохозяйственной выставке видел я его замечательные плоды.

¹ Облепиха — морозоустойчивый кустарник с ароматными кисловатыми ягодами.

² Слива уссурийская — сорт сливы, дикорастущий в Уссурийском крае. Некоторые сорта выдерживают пятидесятиградусные морозы.

³ Барбарис — морозоустойчивый кустарник. Принесит мелкие плоды, употребляемые на варенье.

Летом 1926 года написал я большое письмо Ивану Владимировичу, рассказал всю историю жизни моего сада и просил прислать саженцев лучших сортов.

Осенью получил из Козлова знаменитые мичуринские сорта яблонь, груш, вишен, виноград, актинидию и ежевику.

Вот было у меня ликование! Наконец-то, я имею знаменитые мичуринские сорта, да какие: даже актинидия и виноград!

Получил я эти растения в конце октября. Упакованы они были тщательно и аккуратно, выращены по всем правилам плодоводства: имели хорошие корни и правильно выведенные кроны. В дороге пробыли недолго и оказались в хорошем состоянии.

Садить их на постоянное место я не стал, а сейчас же прикопал в полулежачем положении в землю и сверху прикрыл соломой.

Весело было высаживать их весной на постоянное место.

Но признаться, боялся я за них. Они ведь выросли совсем в другом климате. И хотя у себя на родине они хорошо выносили морозы, но у нас, на Урале, мороз может не пощадить их.

Последние жертвы

В

начале октября 1928 года крупными, густыми хлопьями повалил мокрый снег. Падая он и медленно таял. Он оседал на ветках тяжелым липким грузом.

Чем дальше, тем тяжелее становился груз, и деревьям стало невмоготу: они стали сгибаться под его тяжестью.

Пошли мы с дедушкой в сад. Вооружились метелками и лопатками.

Трудно было шагать по глубокому снегу. Он почти до колен доходил нам.

Стали мы отряхивать с веток снег.

Яблони как бы радовались освобождению: только сбросишь снег, и сразу же сучья весело расправляют свои веточки.

Снегопад продолжался.

На другой день мы опять стряхивали снег. Снегу было больше, чем накануне.

Тревожно спали мы ночь. И недаром. Когда на утро вышли в сад, глазам нашим представилась страшная картина разрушения. Повсюду уныло торчали обломанные вершины яблонь.

Беспомощно висели сучья, едва держась за ствол на необорванной коре.

На стволе зияли свежие глубокие раны. Особенно пострадали хрупкие кизерские красавицы. Они больше всех потеряли ветвей. Сильно пострадала вишня юбилейная Мичурина. Она росла широкой кроной в виде воронки.

Под тяжестью снега воронка разделилась на половины, и штамп раздрало почти до корневой шейки.

Везде стояли изувеченные, пораненные деревья.

Мы смотрели на них издали и сокрушенно вздыхали.

Снегу было столько, что подойти к ним было невозможно.

Пришлось ждать, когда стает снег.

Таял он быстро: стояла теплая погода. Дня через три от снегу не осталось и следа.

Ранней весной начал я залечивать раны. Замазывал их глиной с „коровяком“, подвязывал не совсем обломившиеся сучья, привязывал к шестам верхние сучья вместо сломанной вершины.

Но все напрасно: раны за зиму уже успели засохнуть.

Наступила опять тяжелая зима.

Рано начались сильные морозы, а снегу было мало.

Когда затрещали сорокаградусные морозы, земля была [покрыта легким слоем снега.

Местами ветром совсем выдуло снег, и земля лежала голая.

И эта бесснежная зима погубила опять часть моих яблонь. Без теплого снежного одеяла они, израненные снеговалом, вымерзли. Погибли кизерские красавицы, мичуринские вишни, апорт, белый налив и еще несколько яблонь.

Это были мои последние жертвы. После суровых зим мой сад, как после тяжелой болезни, начал медленно выздоравливать.

Перекрестное опыление

Знал я, что Мичурин рекомендует в каждом крае создавать свои сорта плодовых деревьев.

Как это сделать?

Нужно посеять семена разных сортов яблонь и потом, когда они вырастут, отобрать из них самые лучшие растения.

Но если посеять обыкновенные семена, то будет мало пользы — за очень редкими исключениями вырастут дички с никудышными яблоками.

Чтобы создать новые хорошие сорта яблонь, Мичурин применяет метод гибридизации.

Он скрещивает между собою два разных сорта путем перекрестного опыления. С одного цветка переносит пыльцу на цветок другого дерева.

Получается сорт уже с теми качествами, которыми обладали родители. Правда, эти качества передаются не в равных долях от отца и матери, но все же можно добиться получить сорт с желанными качествами. От одного дерева можно взять его устойчивость против мороза, а от другого — способность давать вкусные, сладкие плоды.

Здесь, на Урале, очень важно создать такой сорт яблонь, который бы хорошо боролся с морозами.

Когда в Москве зимой устроили конкурс среди тридцати пяти сортов яблонь на морозоустойчивость, апорт не выдержал московского экзамена: у него вымерзло больше половины кроны, и он получил двойку.

А вот я хотел, чтобы апорт рос все же у нас, на Урале, хотя наш климат суровее московского. Нужно только сделать яблоню крепче, выносливее, чтобы она могла бороться с морозами. В этом мне может помочь только гибридизация — то-есть скрещивание разных видов растений, чтобы получить новый, улучшенный вид.

Было у меня в саду дерево, которое выдержало и сорокатрехградусные морозы, и сильные заморозки в марте. Это — гибрид хутора Благодатного. У него были грубые, но съедобные яблоки.

С ним-то вот и решил я скрестить свой апорт, у которого были крупные нежные плоды.

С нетерпением ждал я дня, когда зацветут мои яблони. Заготовил все необходимое для перекрестного опыления: кисейные мешочки, пинцет, лупу, пробирки, марлю, мякью пробку.

Вот, наконец, настал желанный момент. На яблонях стали распускаться белые цветочки.

Взял я все необходимые инструменты, подошел к апорту, выбрал на нем несколько цветочков, еще не распутившихся, но более сильно развитых, и приступил к работе. Отогнул в сторону лепестки и пинцетом тщательно оборвал все тычинки, окружающие пестик, при этом старался не раздавить головки с пылью.

Потом осмотрел через лупу цветок и убедился, что пыльники удалены все, и что пыльцы в нем нигде не осталось. Тогда надел на цветок марлевый мешочек, стянул его продернутой в нем ниточкой так, что он плотно охватил веточку с цветком, и этой же ниточкой привязал его к ветке.

Так я подготовил цветок к предстоящему опылению. Теперь я был уверен, что он не опылится ни собственной пылью, ни чужой, случайно занесенной ветром или насекомыми с другой яблони. Такую подготовку сделал на нескольких цветках апорта.

Теперь надо было собрать уже готовую, зрелую пыльцу с цветков гибрида хутора Благодатного. На нем отыскать цветки, вполне распутившиеся с хорошо созревшей пылью.

Опять-таки с помощью лупы отыскал я такие цветки и пинцетом же оборвал с них мешочки с пылью. Мешочки положил в стеклянную пробирку, завязал ее марлей и поставил в комнате.

На другой день утром пошел я производить скрещивание. Цветки апорта сегодня

уже совсем распустились. На рыльцах их пестиков увидел я через лупу клейкую влагу. Это признак зрелости пестика, он в это время сможет лучше принять пыльцу и оплодотвориться.

Погода помогала опылению. Солнце светило, было тихо, ветерок чуть колыхал листву. В тихую солнечную погоду опыление проходит гораздо лучше, чем в пасмурную.

Для переноса пыльцы на рыльце пестика был приготовлен весьма несложный „инструмент“. На длинную булавку была приколотая мягкая пробка, вырезанная маленьким треугольником.

Встряхнув стеклянную пробирку, я увидел, что на дне ее и стенках осела желтая пыльца. Тогда взял треугольником пробки пыльцу и перенес ее на рыльце пестика.

Цветок был опылен. Теперь может произойти оплодотворение.

Я взял марлевый мешочек и снова завязал им уже опыленный цветок. То же самое сделал я и с другими цветками апорта.

Вскоре появилась завязь. К осени в мешочках вызрели хорошие яблоки.

Когда яблоки уже стали гнить, я извлек из них черные крупные ядра семян.

Это было в октябре. Земля еще не застыла. Я приготовил маленькую грядку и посеял гибридные семена.

Однажды, подбирая упавшие на землю яблоки, я заметил на апорте странные пятна.

В разных местах яблока шли полоски, как будто яблоко было подморожено, а затем оттаяло.

Разрезал я яблоко и на разрезе из полосок немедленно выступили капельки сока, как из арбуза.

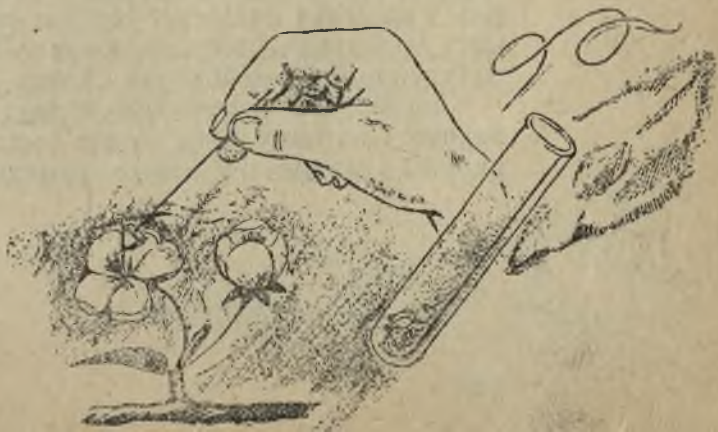
С недоумением разглядывал я замечательное яблоко. Как мог получиться такой сочный, вкусный плод?

Взглянул на паспорт дерева и понял в чем дело.

Осенью перед заморозками мы вылили на приствольный круг апорта двадцать ведер воды. Дерево росло на возвышенном сухом месте, мы ожидали большой урожай и решили дать яблоне как можно больше влаги. Воду выливали не сразу, а постепенно, и она глубоко проникла в землю.

Мне было ясно, что передо мной лежало наливное яблоко, но не сплошь наливное, а частично.

Никогда в Свердловске я не ел наливных яблок. Они вырастают в более теплых краях, и на север их трудно привозить: они не выдерживают дальней перевозки.

Тайные враги

В

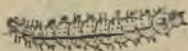
конце мая, в теплые весенние вечера над отцветающими яблонями порхают маленькие серенькие бабочки. Их трудно заметить. Они незаметны на темной коре дерева, да и сумерки скрывают их.

Но если вы и заметите, то никогда не подумаете, что такая маленькая, скромная бабочка — злейший враг пловоода.

Она кружится над яблоней и осторожно откладывает на завязи плода, преимущественно в чашечку отцветающего цветка, крошечные белые яички.

Через несколько дней из яичек выходят червячки. Они сразу вгрызаются в сочную мякоть яблока и прокладывают себе узкий, извилистый ход. Червячки ползут в самое сердце плода — к зародышам семян и съедают их. Прекращается приток питательных веществ. Яблоко перестает расти и задолго до своей зрелости опадает. Червячки перебираются на другое, соседнее яблоко. Так путешествуют они с яблока на яблоко.

Осенью, когда подойдут холода, червячки прячутся на зиму в укромное место, куда-нибудь в расщелину коры, скрываются под

опавшими листьями или входят в землю и там окружают себя плотным густым покрывалом — завертываются в коконы.

Весной из этого кокона вылетает бабочка, начинает порхать над деревом, кладет яички, и опять повторяется та же история.

Так живет плодоярка.

Однажды на корочке переплета одной из своих книг я заметил темный маленький бугорок. Отковырнул, оказался розовый червячек с черной булавочной головкой.

В книге — гусеница плодоярки! Что за оказия? Поглядел на свой стол и понял, откуда гусеница. Когда-то на стол я положил яблоки, и вот из одного яблока вылез червяк и заполз в книгу, под корешок. Здесь, в укромном месте, он и хотел перезимовать.

Много гусениц мои дети находили в щелях, на террасе, где я сортирую, взвешиваю и храню яблоки.

Я поздно узнал об этом. Плодоярка немало съела яблок в моем саду. Она погубила в одно лето четверть моего урожая.

И тогда я объявил ей войну.

Приготовил яд — зеленый порошок, состоящий из двойной уксусно-кислой соли мышьяка и меди. Это очень сильный яд, он называется парижской зеленью. Чтобы яд не обжег листьев яблони, я прибавил к нему примерно двойное количество извести.

Для того, чтобы убить не только плодоярку, но и грибков, вызывающих болезни

деревьев, я приготовил другой яд — бордоскую жидкость. Она состоит из медного купороса и извести. Затем парижскую зелень и бордоскую жидкость слил вместе. У меня получился сильнейший яд — и для плодовой гни и для грибка. Для опрыскивания купил ранцевый опрыскиватель с наконечником Вермореля.

Весной, когда деревья стали отцветать, я налил в резервуар опрыскивателя пятнадцать литров яда и опрыснул цветы яблонь. При чем старался делать так, чтобы яд попал в самую чашечку плода, туда, где плодовая гни кладет свои яйца.

Пусть, думал я, жадный червяк вгрызается теперь в плод; яд, прилипший к коже яблока, сразит его, и он не достигнет до сердцевины плода. Три раза я подходил к яблоням и три раза опрыскивал их цветы ядовитой жидкостью. Осенью я ожидал собрать полный, совершенно непопорченный урожай. Но не оправдались мои надежды. Из сотни яблок — семьдесят все-таки оказались с коричневыми дырочками. Червяк успел прогрызть ходы.

В чем дело? Объяснялось просто: яд не везде проник в чашечку плода, и яички спокойно лежали на дне цветка, прикрытые лепестками. Кроме того, ядовитая жидкость не сплошь покрывала все яблоко, и на открытых местах червячек мог спокойно пожирать плод.

Тогда я решил обмануть бабочку — я начал устраивать ей зимние гнезда.

Осенью, когда червяк хотел взобраться по стволу дерева в поисках убежища, я внизу устроил ловчие кольца: надел на дерево соломенный жгут. Я знал, что червяки будут взбираться на дерево и, встретив соломенные горы, остановятся и будут здесь, в соломенном кольце, зимовать.

Поздней осенью я обошел яблони и в ловчем кольце действительно открыл много притаившихся коконов бабочки. Тогда я взял жесткую щетку и уничтожил их, а солому бросил в огонь.

Но ловчие кольца не могут переловить всех червяков. Еще больше гусениц прячется в землю и под опавшую листву. Здесь с ними легко бороться. Нужно только осенью перекопать землю около деревьев.

Лопатой я уничтожил гусениц в земле, а некоторых зарыл на такую глубину, что весной они не смогут выбраться. А опавший лист и сорняки собрал со всего сада и уничтожил вместе с гусеницами.

Крылатые друзья

пытные садоводы говорили мне:

— Самый сильный враг вредителей сада — это птицы. Постройте им жилища, и они уничтожат всех гусениц.

И один садовод рассказал мне любопытную историю:

„Много лет я боролся с плодожоркой. И отравлял, и ставил ловчие кольца, — ничего не помогало. Рассказал о своей беде Ивану Владимировичу Мичурину. Он мне коротко отрезал: „Птиц заведи!“ А сам пошел с горсточкой хлебных крошек и зерен на террасу. Птицы точно ждали его выхода, бросились к нему и чуть не из рук жадно хватали корм. Тут были воробьи, синички, мухоловки, жуланы.

Поразило меня это зрелище. Вернулся домой и сразу стал строить для птицы кооперативные домики.

Не простые маленькие скворешни, куда влезает только одна птичья семья, а большие, многоквартирные дома, на три-четыре семьи.

А можно сделать под одним скатом крыши шесть квартир и даже десять.

В первые дни не хотели птицы жить в новых квартирах. Влезут в комнату, посидят с минуту и обратно улетят. Тогда я стал разбрасывать на земле зерна и крошки... Прошло несколько дней—все комнаты оказались занятыми.

С той поры в моем саду не стало плодоярки“.

Решил и я последовать примеру садовода. Стояли у меня в саду две скворешни, но скворцы в них не жили. Снял их, осмотрел — оказались большие щели.

Теперь понятно, почему не жили птицы. Законопатил щели, вычистил скворешни и поставил на свое место.

Весной, смотрю, прилетели в тот и другой домик черные взъерошенные скворцы и прожили все лето.

Заказал я еще домиков для птиц, уже с четырьмя комнатами.

Пусть в моем саду живут и размножаются мои крылатые друзья.

Какая-то маленькая птичка свила гнездо в густом кусте татарской жимолости. Весь день она перепархивала с дерева на дерево и что-то без умолку трещала. Но вдруг она исчезла.

Стал я ее искать — нигде не нашел. Осмотрел куст жимолости, вместо гнезда торчали два-три прутика. Понял я: гнездо разорили кошки.

Гоните кошек прочь из сада! Они охотники не столько за мышами, сколько за птицами.

Прошло несколько дней, и моя маленькая птичка снова затрещала в саду, свила где-то гнездо и опять стала истреблять гусениц-плодожорки.

Великий мастер

В августе 1934 года я получил приглашение на юбилей Ивана Владимировича Мичурина. Праздновалось шестидесятилетие его работы и восьмидесятилетие его жизни. С большим волнением я ждал дня отъезда в Мичуринск. Готовил доклад о своей работе и достижениях. Много лет я знал великого мастера садоводства только по его работам, книгам и по рассказам своих знакомых.

Теперь мне представляется счастливый случай лично увидеть и его самого и побывать в его знаменитом питомнике.

Шестьдесят лет работы Мичурина — это шестьдесят лет неустанных, упорных усилий над обновлением и преобразованием природы.

Что сделал он за это время?

Он вывел лично свыше трехсот разных сортов яблонь, груш, винограда, абрикосов и вишен.

Придвинул яблоню, грушу, сливу, вишню ближе к полярному кругу.

Перенес с юга страны в среднюю ее часть и севернее такие культуры, как виноград, абрикос, черешню.

Превратил рябину, черемуху, боярышник в съедобные высококультурные сорта.

В 1934 году у Мичурина были новые замыслы. Он хотел вырастить персик, который не будет бояться морозов.

Он хотел вырастить виноград без всяких семян внутри ягоды.

Он хотел вырастить новые виды растений, которые раньше обычного времени будут давать плоды.

И Мичурин, несомненно, добился бы этого, если бы смерть не оборвала его жизнь 7 июня 1935 года.

Он располагал всем для своих опытов и мог спокойно плодотворно работать.

Советское правительство ему предоставило площадь около четырехсот гектаров земли. На ней созданы центральная генетическая лаборатория его имени, музей, прекрасные лаборатории и кабинеты. В самом городе учреждены научно-исследовательский институт северного плодоводства, плодовый вуз, техникум, рабфак и детская сельскохозяйственная станция.

Вся жизнь его до революции прошла в полном забвении и осмеянии. Царские чиновники и ученые смеялись над ним и говорили, что его работы — это „затеи“ и „чепуха“.

Только при Советской власти он смог осуществить мысли и желания и развернуть широко свои опыты.

Первый отметил его работы Владимир Ильич Ленин. Партия окружила Мичурина великой заботой и вниманием.

Сотни тысяч плодовых и ягодных растений, выведенных Мичуриным, теперь выращиваются в колхозных и совхозных садах.

Социалистическое плодоводство стало широко развиваться во всей стране.

* * *

Я приехал в Мичуринск рано утром. Небольшой город уже готовился к юбилею. Улицы подчищались, здания красились, в витринах магазинов висели портреты Ивана Владимировича. Мичуринск ожидал садоводов со всего Советского Союза. Ко дню торжества город уже был ярко расцвечен флагами, лозунгами, плакатами.

Дня за три до юбилея я с одним бригадиром-колхозником из Кубани пошел в главный питомник великого мастера.

Тут были и старые маточные деревья, и только-что начинающие давать плоды, и совсем юные малютки-сеянцы. Около малюток стояли маленькие скамейки.

Под маточными деревьями лежали то белые, как воск, плоды славянки, то багряно-алые яблоки „комсомольца“, иногда зеленые груши, опавшие прежде времени.

Тут же вызревали гроздья винограда белого, черного, розового и зеленого и вишни разных сортов.

— Вот ширпотреб черная,— сказал наш проводник и, взяв с куста ягодку вишни, раздавил ее. Пальцы окрасились бордовой, почти черной краской.— Сок этой вишни может итти на кондитерские изделия, как красящее вещество, вместо анилиновых красок.

Мы переходили от одного дерева к другому и с изумлением смотрели на невиданные растения.

Вдруг на земле я увидел небольшую головку, напоминающую нераспустившуюся еще водяную лилию. Осторожно приоткрыв лепестки, я заглянул внутрь. В глубине чашелистика лежал странный плод, похожий на землянику, усыпанный мелкими зернышками семян. Сунул в рот— действительно и по вкусу похож на землянику.

Передо мной был земляничный томат. Удивила нас также рябина. Черные и красные ягоды в три раза больше нашей самой крупной лесной рябины. Попробовал— не похожа на рябину: совсем нет горечи и мало кислоты.

Скорее напоминает шиповник.

— А вот арктик-дезертир,— указал проводник на вершину груши.

Мы подняли головы и с удивлением увидели на верху груши сочные гроздья винограда.

— Как он сюда попал?

— О, это целая история,— рассмеялся проводник.— Однажды мы потеряли виноград арктик. Решили, что он погиб. А он, оказывается, пробрался, стелясь по земле,

до груши и, обвиваясь по ней, взобрался на пятиметровую высоту и там благополучно перезимовал. Зима была суровая. Стоявшая рядом двадцатилетняя антоновка не перенесла мороза и погибла. А виноград арктик выдержал и теперь растет, как ни в чем не бывало. Иван Владимирович его и прозвал „дезертиром“.

С изумлением и радостью мы осматривали сад Мичурина. Это не был промышленный сад, где выращиваются для продажи тысячи и даже десятки тысяч деревьев одного или двух сортов.

Питомник Мичурина — коллекция всякого рода плодово-ягодных растений во всех возрастах; это — школа, где выращиваются малютки-сеянцы со дня появления первых семядольных листочков, и это действительно питомник, куда рассаживаются подросшие сеянцы и привитые маточные деревья.

Не в тысячах экземпляров один и тот же сорт, а многие десятки разных сортов в единицах.

Повсюду на ветках висели кисейные мешочки. В них зрели плоды, получившиеся от скрещивания различных сортов. Семена этих плодов будут тщательно собраны, посеяны и дадут еще не один десяток новых сортов.

На другое утро мы отправились на селекционно-генетическую станцию и репродукционный питомник. На станцию вела

шоссейная дорога. По обеим сторонам дороги росли яблоньки, а ближе к станции высокой зеленой шпалерой вился дикий уссурийский виноград.

Показались железные ворота ограды и здания бывшего мужского монастыря. Здесь станция и питомник.

Мы прошли на станцию.

На особом участке стоят маленькие ульи. Это специальные опылительные ульи. Пчелы помогают опылять цветы.

А что это за стратостат? Нет, это только марлевый колпак на вишне „плодородной“. Он защищает от птиц спелые ягоды.

Отдельным домиком, построенным сплошь из стекла с тонкими деревянными переплетами, стоит грунтовый сарай. В нем растут особо нежные сорта деревьев — „иностраницы“. Они приехали из очень теплых краев, и им без такой защиты не вынести морозов.

Для чего же тогда их сажать?

А для того, чтобы, когда они зацветут, собрать с их цветов пыльцу и опылить морозоустойчивые сорта. От таких скрещиваний получаются новые, лучшие сорта.

Вот группа грушевых деревьев. Все они стоят обремененные плодами. Но что это? Среди плодов груши краснеет кисть рябины. Кисть самой настоящей, только более крупной, чем мы привыкли видеть, рябины!

Оказывается, и груша, и рябина уживаются на одном дереве...

Для чего же это сделано? Для того, чтобы изменить рябину и потом скрестить ее с грушей и получить новый вид плодов. Без этого — опыления не произойдет.

А вот около лаборатории какие-то необыкновенные цветы. Похожи на лилии, но пахнут как фиалки. Оказывается — фиалковая лилия. Мичурин захотел, чтобы лилия получила аромат фиалки и добился этого.

И каких еще растений мы только не видели!

Тут и малина техас со своими колоссальными ягодами, и желтый — турецкий табак, и топинамбур (земляная груша), и болгарские розы, дающие знаменитое розовое масло.

Рассказы о победах

о всех концов Советского Союза съехались в Мичуринск садоводы - любители опытники.

Вечером 18 сентября торжественно открылась конференция. Стали выступать садоводы.

Первым выступил седоволосый садовод из Смоленска Александр Николаевич Галецкин. Четверть века провел он в почтовом вагоне поезда, курсировавшего между Смоленском и Козловом. Случайно увидел в Козлове за забором виноградный куст и разыскал хозяина куста — Мичурину.

Мичурин дал ему саженцов и сказал:
— Дерзай!

Прошло несколько лет, и вот садовод из Смоленска показывает садоводам Советского Союза кисть черного винограда.

— Вот этот сорт „буйтур“ зимует у нас в Смоленске без прикрытия. Кроме его, прекрасно растут и дают плоды еще семь новых сортов винограда.

На трибуну выходит высокий с энергичным бритым лицом бригадир-колхозник. Он ставит перед собой стеклянную банку, в которой законсервирован крыжовник. Ягоды

длиннее и толще винограда „дамские пальчики“. Недаром же он и называется „зеленый финик“.

— Этот финик,— говорит бригадир,— растет в селе Варганы Горьковского края. Раньше крыжовник рос, как чертополох. Теперь у нас его родится до восьмисот тонн в сезон. Крыжовником занято шестьдесят два гектара. Все село работает дружно, как один. Когда появляются на кустарниках первые признаки болезни,— в селе словно пожар случился. Кто везет воду, кто делает раствор, кто опрыскивает. Все бегает, хлопочут.

На смену молодому колхознику выходит низенький, белый, как лунь, плотный старик. Он раскрывает ящик и выкладывает яблоки.

Это первый из мичуринцев— Владимир Васильевич Спирин. Он полвека занимается плодоводством на севере— в городе Никольске бывшей Вологодской губернии. Он создал для севера особые яблоки „Спирин“ и „замороженка“. Вывел для своего края много новых сортов крыжовника и малины.

В его саду растет роза, которая утром стоит белая от выпавшего инея, а днем направляет свои нежные лепестки и благоухает. Розы Спирина теперь украшают северные сады и газоны.

Он украсил северные города такими деревьями, как канадский клен, бальзамическая пихта, серебристая ель и боярышник.

Его растения перекочевали уже в Архангельск. Его садик теперь опорный пункт Ленинградской зональной станции.

Один за другим выходят на трибуну садоводы из Иркутска, из Кемерово, из Калининно, из Иваново, с Алтая.

Делегат Вятки, теперь Кировска, показывает садоводам виноградную лозу зеленого винограда. Другой делегат — лук, найденный в горах Алтая, который замечателен тем, что зимует в земле.

Говорят рабочие — садоводы:

— Мы с детства мечтали о зеленых садах, но только сейчас получили возможность осуществить свои желания. Мы имеем свою землю и разводим прекрасные сады в нашей социалистической родине.

Наконец, появляется самый юный делегат съезда — пионерка Надя. Она рассказывает о том, как десять пионеров искали в горах Алтая новые, неизвестные еще растения. И они привезли Ивану Владимировичу семнадцать новых видов растений.

Так каждый рассказывает о своей работе, своих победах и показывает плоды своих садов.

Север впервые демонстрирует виноград из Кировска, апорт — из Свердловска, яблоки — из Никольска.

Праздник садо- водства

Двадцатого сентября весь Мичуринск вышел на улицы. В городе стало тесно. Казалось, городу не вместить этого человеческого моря. Тут были малыши с портретами Мичурина в руках и комсомольцы с яблонями, на которых атели крупные яблоки, и рабочие с вазами, наполненными грушами, виноградом, яблоками, и академики, и члены правительства.

Портреты Мичурина, его бюсты, лозунги на всех улицах, на зданиях, на крышах домов.

Застыв в изумлении перед непривычным зрелищем, стоял на трибуне городской площади американский профессор Ганзен со своим сыном.

Над площадью загудели самолеты. Открылся митинг.

— Ленин открыл Мичурина всему рабочему классу, — сказал заместитель наркома земледелия товарищ Муралов. — Советская власть помогла ученому выйти из стен лаборатории и развернуть на социалистической земле свою выдающуюся работу. Теперь на миллионах гектаров в колхозах и совхозах мы вырастим мичуринские сорта.

— Ученые страны Советов гордятся тем, что в их среде, у пролетариата есть великий Мичурин,— сказал академик Вавилов.

Демонстрация двинулась вдоль по улице.

Вечером у городского театра многотысячная толпа ожидала приезда юбиляра. Нетерпеливо спрашивали друг друга: будет или не будет юбиляр? Иван Владимирович еще не оправился после болезни.

Наконец, откуда-то издалека донеслись аплодисменты и показался долгожданный автомобиль. Бурные аплодисменты, звуки оркестра, громовое „ура“, начавшееся на улице, перешли в зал, и на сцене появился Мичурин.

Яркие лучи прожекторов осветили исхудалое, умное, сосредоточенное лицо юбиляра.

— Товарищи, — сказал Иван Владимирович, — благодарю вас за приветствия. Моя шестидесятилетняя работа не заслуживает такого пышного празднования. Наш праздник — это праздник садоводства. Колхозы и совхозы должны обратить внимание на садовые дела.

Только при советском правительстве я мог развить это дело. Правительство и в особенности наш любимый вождь товарищ Сталин дали мне средства для этого.

Очень хотелось бы мне, чтобы в каждом колхозе и совхозе каждый колхозник вырастил хотя бы одно плодородное дерево.

А я надеюсь еще поработать.

Попросил слово американский профессор Ганзен. Он сказал на английском языке:

— У нас, в Америке, был знаменитый гибризатор Бербанк. Сделал он очень много. Но ни один гибризатор в мире не может похвалиться столькими сортами, сколько может предъявить Иван Владимирович Мичурин.

И я обращаюсь к пионерам: идите впереди нас, старых ученых. Мы сделали много, но вы можете сделать в десять раз больше, и только в такой стране, как ваша, могут рождаться исключительные таланты.

Я предлагаю вам, садоводам, собравшимся здесь: давайте вместе с вами создадим интернациональный сорт яблок. У вас, в Сибири, есть исключительная зимостойкая яблоня; у нас, в Америке, есть яблоня, плоды которой хранятся в течение целого года; на юге — прекрасный сорт яблок. Так вот давайте вместе скрестим эти три разновидности и создадим такой сорт яблони, которая будет переносить и суровые морозы и даст прекрасное яблоко, способное долго сохраняться в свежем виде.

Зал ответил на призыв американского профессора продолжительными аплодисментами.

Козлов и Мичуринск

ыл в России город Козлов. На гербе его были изображены три бородатые рогатые козла. По улицам его разгуливали настоящие бородатые козлы и двуногие хулиганы, обламывавшие деревья.

Но вот в Козлове появился человек, который стал изменять и побеждать природу. В городе стали расти такие деревья, которых никогда не видывали, или которые вырастали только на далеком юге.

И городу стало стыдно своего имени. Он принял имя человека, который произвел переворот в растительном мире.

Мичуринск стал мировым центром плодоводства. Здесь главный плодовый сад мира.

Трудящиеся Мичуринска решили превратить город в зеленый сад мичуринских сортов.

Рабочие, комсомольцы и инженеры вышли на пыльные улицы города и в центре разбили сквер. И весной сквер зазеленел, как маленький оазис среди пустыни.

А осенью научно-исследовательский институт решил озеленить свой участок.

Ботаники и уборщицы, швейцары и химики, машинистки и профессора вышли с лопатами, граблями, лейками и охалками молодых саженцев.

Вокруг института вытянулись молодые зеленые деревья.

Но не прошло и месяца, как от деревьев остались редкие сухие прутьи. „Двуногие козлы“ обломали насаждения.

Снова произвели посадку. Сажали только лесные породы — клен и тополь. Огородили каждое дерево. Обнесли их невысокими заго-родками. Повесили надписи:

БЕРЕГИТЕ ДЕРЕВЬЯ —
ОНИ НАШИ ДРУЗЬЯ!

КТО ОБЛОМАЕТ ДЕРЕВО —
ПЛАТИТ ШТРАФ 3 РУБЛЯ.

Стали тщательно наблюдать за порядком.

И растения сохранились — зазеленели

За институтом потянулся и город... Появились посадки сначала на главных, а затем и на окраинных улицах.

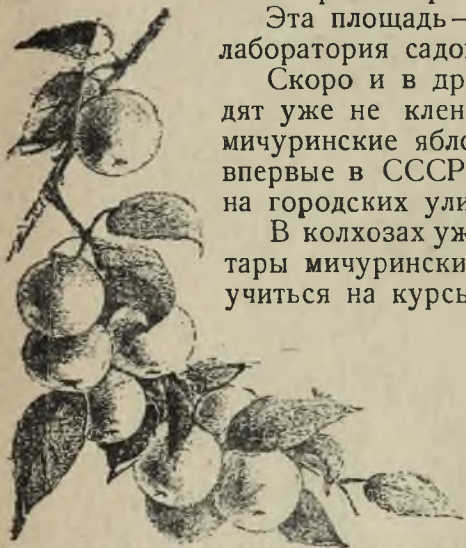
А весной следующего года на небольшой базарной площади Мичуринска были посажены шестьдесят тысяч молодых деревьев.

Вокруг могилы Ивана Владимировича выстроились, как охрана, карликовые яблони, груши. Со всех концов света собраны сюда самые редкие растения.

Эта площадь — настоящий музей, живая лаборатория садовода.

Скоро и в других городах Союза посадят уже не клены и тополя на улицах, а мичуринские яблони, груши и вишни. Тогда впервые в СССР яблони и вишни зардеют на городских улицах.

В колхозах уже сейчас закладываются гектары мичуринских сортов, колхозники едут учиться на курсы бригадиров-садоводов.

Мой сад сегодня

После снеговала и суровой зимы остались в моем саду самые сильные, выносливые деревья. С того времени сад стал крепнуть.

И я сам после всех ошибок, невзгод уже действовал уверенней и смелей.

Я знаю, что в моих неудачах был виноват не наш суровый климат, а я сам, неопытный, малограмотный в плодоводстве. С большими потерями силы и времени я научился работать. Мне никто не рассказал и не показал на деле, как правильно работать.

И потому так подробно я рассказываю о своих неудачах, чтобы каждый начинающий садовод мог учесть мои ошибки в своей работе и не повторять их.

Теперь я уже стал опытнее и не повторяю своих ошибок.

Прошло двадцать лет с той поры, как я посадил первые три яблони. Все они погибли.

Старых культурных яблонь совсем мало. Их можно перечесть по пальцам: антоновка, апорт, коричное, анисовка, мирон, гибрид хутора Благодатного, ренет Крюднера, кизерская красавица и райка-титовка.

Самая старая из них — антоновка — девятнадцать лет, остальные моложе. Они — настоящие герои труда: перенесли и жестокие морозы, и февральские вьюги, и утренние заморозки, и солнечные ожоги. Выдержали и снеговал 1928 года. Израненные, с обломанными ветками, сучьями, они нашли в себе силы для борьбы за свою жизнь.

Из культурных сортов в моем саду сохранилось только десять.

Другие сорта — боровинка, грушевка, белый налив, бельфлер, китайка у меня погибли. Но я знаю, что у других садоводов Свердловска они растут и плодоносят. Значит, и они могут расти у нас.

Много старых культурных сортов растет в соседних городах: Кунгуре, Сарапуле, Камышлове, Челябинске. Разве у нас, в Свердловске, где чуть-чуть климат суровее, они не могут вырастать? Конечно, могут.

А сколько новых сортов создано Мичуриним и его последователями! Можно твердо сказать, что некоторые мичуринские сорта будут у нас расти: китайка анисовая, китайка золотая, ранняя, таежное, ермак и другие. Не меньше двадцати сортов яблонь можно выращивать на Урале.

* * *

Ранней весной приехал ко мне директор молодежного питомника, организованного в

пятидесяти километрах от Свердловска. Он нарезал в саду черенков корнеродного апорта и райки и взял их семена.

В конце мая стал расцветать мой сад.

Из питомника приехала техник-женщина, чтобы в моем саду произвести перекрестное опыление, и когда поспеют гибридные плоды, увезти их в питомник.

Она сидит у меня на террасе и шьет марлевые мешочки, а я готовлю ярлыки-этикетки. На них будет написано какого сорта пыльцой опылен цветок.

В моем саду цветет уже двадцать семь яблонь и двадцать вишен. Куда бы я не бросил взгляды, всюду трепещут белые и розовые лепестки цветов, и на террасу доносится их нежный аромат.

По утрам, входя в сад, я не узнаю его. Яблоня, вчера еще хмурая и замкнутая, сегодня одета в белоснежное платье, и яблоня, цветущая вчера, — сегодня сбрасывает свои лепестки.

Вот расцвели кусты сирени, появились гроздья золотистых цветов среди пурпурных листьев барбариса.

Сад встречает меня ежедневно с новым видом, всегда нарядный и ароматный.

Уже пятый день работает техник-женщина. Мне приятно видеть, как мелькает среди зелени ее белая кофточка. С пинцетом в одной руке и лупой в другой она подходит к цветку, бережно раскрывает его

лепестки и тщательно пинцетом выщипывает тычинки цветка. Тычинки одних цветов она бросает, а других складывает в стеклянную пробирку, как это делал и я сам когда-то.

Удалив пыльники, она надевает на цветок марлевый мешочек, стягивает его устье вокруг ножки цветка и притягивает к ветке.

На другой день она опылит цветы антоновки пылью кизерской красавицы, а цветы красавицы — пылью антоновки.

После скрещивания получатся гибридные плоды, из семян которых вырастут новые сорта, способные выносить наш суровый климат.

* *
* *

Эта осень дала небывалый урожай. Ветки обламывались под тяжестью плодов.

Сеянец Рудого сплошь был покрыт маленькими, с голубиное яйцо, карминно-розовыми яблочками. Его ветви, несмотря на подпорки, низко склонились к земле, как ветви плакучей ивы.

Молодой гибрид хутора Благодатного, совершенно разбитый под тяжестью плодов, стоял без вершины и верхних сучьев, как будто на него сверху свалился целый воз яблочек.

На нем висело около пяти тысяч яблок, он выдерживал груз свыше тридцати семи килограмм.

Почти все яблони стояли с подпорками. Красавице № 16 я поставил шестнадцать подпорок, и все-таки три ветки рухнули, обремененные плодами. На дереве было свыше двадцати четырех килограмм.

Антоновка, которая раньше никогда не давала даже и десяти килограмм, ныне, сверх ожидания, дала целых двадцать килограмм.

Коричное было менее надежным, чем антоновка. Не один раз яблоня обмерзала, теряла крону и теперь разрослась большим, сильным кустом, усеянным тяжелыми яблоками.

Анисовка, до сей поры бесплодная, не желая отставать от других, дала в эту осень первый урожай.

Куда ни смотрел я, всюду рдели плоды.

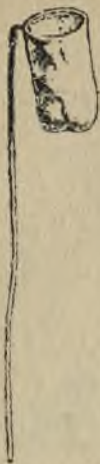
В конце августа началось падение яблок. Вечерами слышал я, как шлепались в разных уголках сада поспевшие яблоки. А по утрам около каждого ствола находил красное ожерелье из больших и малых яблок.

Я наклонялся к ним, и иногда на мою голову падало яблоко и, больно стукнув, прыгало на землю.

Приближались заморозки — пора собирать и те плоды, которые висели на ветвях.

На терасе поставили деревянные ящики, корзины отдельно для каждого сорта и весы для взвешивания. Тут же лежала тетрадка для записи.

Жена собирала яблоки с нижних ветвей, дочь срезала мелкие китайские яблоки, а я

с сыном снимал плоды с верхних сучьев и вершины.

Мы были вооружены особым орудием для снятия яблок — „снималом“. Снимало — это мешок, одетый на металлический круг, к которому прикреплена длинная тонкая палка. Я брался за палку, поднимал мешок к самой вершине дерева и металлическим концом палки обрывал яблоки. Яблоки срывались с ветвей и падали в мешок, как орехи.

Весело было собирать плоды своей работы.

Вечером я уже сортировал и взвешивал урожай. Мой маленький сад дал мне больше двух центнеров яблок, из них больше двух третей приходилось на культурные сорта.

Приехал в эту осень из Тагила Рудый.

— Ну, что ты теперь скажешь, Кузьма Осипыч? — сказал я, показывая ему свой урожай. — Все еще будешь говорить, что не будут у нас расти культурные сорта?..

Рудый задумался на одну секунду.

— Пожалуй, ты прав.

Потом, помолчав немного, добавил:

— Но и я был прав. Помнишь, я тебе говорил, что все яблоки из Горьковского края погибнут.

— Да, они погибли, — ответил я, — но в этом не климат виноват, а мы — люди. Плохо выкопали, плохо упаковали, и я сам тогда не умел работать.

— Может быть, может быть,— согласился Рудый,— я ведь судил по своим давним опытам. С того времени много воды утекло. Много уже достигнуто. Я вижу, что культурные сорта двигаются все дальше на север. И у меня самого в саду сейчас много деревьев—яблони, груши, сливы, вишни, то-есть то, что на Урале вырастить считалось невозможным.

Вскоре после смерти Мичурина я прочел в газете письмо Рудого из Тагила.

„Несколько дней назад— писал он— мы опылили более пяти тысяч бутонов цветков плодовых деревьев. По мичуринскому методу мы уже с прошлого года начали скрещивание плодовых культур. Мы ведем всю свою работу так, как этому учил нас Иван Владимирович“.

Яблочный пир

От знакомого доктора получил я из Кисловодска открытку: „Прошу вас, — писал он, — забронируйте для меня половину антоновки и три ренетки. В Кисловодске вспоминаю ваш сад. Еду к вам, ждите“.

Приехал доктор в Свердловск и в первый же день по приезде пришел к нам.

В моем шкафу были уже приготовлены для него яблоки всех сортов, какие росли в саду. Я знал доктора как хорошего знатока яблок, и мне было приятно услышать его оценку.

— Вот начните с гибрида, — сказал я, подавая яблоко.

Доктор попробовал.

— Кисловат. Отдает анисом.

— Этот сорт получился от скрещивания сибирки с анисом. А вот попробуйте красавицу. Что вы про нее скажете?

Доктор разрезал яблоко и с видимым удовольствием съел всю половину.

— Сочна и сладка. Чуть-чуть с медком, но совсем без кислоты.

Я, молча, подал другое яблоко, румяное, покрытое как будто маслом.

— Вот это яблоко, так яблоко!— воскликнул доктор.— И сочен, и кислват, и сахарист. Все есть. Узнаю сразу: апорт. Хорош, хорош!

— А вот забронированная для вас антоновка,— сказал я.— Попробуйте.

И снова доктор похвалил яблоко. Действительно, оно было сочно, с кислотой и ароматно.

— Вы вот это понюхайте,— предложил я, видя, что доктор не может оторваться от антоновки, и подал ему маленькое зеленое яблоко с размытыми крапинками румянца. Это была райка. Она имела сильный, совершенно особый аромат, не похожий на других.

— А это вот коричное. Тоже, слышите, как оно ароматно? Сразу вспоминаешь корицу. Оно уже совсем поспело. Рыхлое, сочное, нежное!

— Один восторг и два упоенья!— рассмеялся доктор.— Оно может конкурировать с ташкентскими, крымскими кандиями или шафранами. Скажите, почему яблоки в Кисловодске сушая дрянь перед вашими? В чем тут секрет?

— Секрета тут нет. Дело в том, что я своих яблочек не снимаю с дерева, а жду, когда они сами опадут. Снимаю только те, которые не успеют опасть к заморозкам. Тогда я уверен, что яблоко взяло от дерева все, что оно могло взять.

Затем я кладу яблоко в лежку. Тогда в яблоке будет меньше кислотности, а больше сахаристости, и мякоть станет мягкой и рыхлой. Только здесь не надо зевать. Не досмотришь, пролежат яблоки дольше, чем надо, — и они потеряют и вкус, и сочность, а иногда и загниют.

— Скажите, как вы чувствуете себя осенью? — неожиданно прервал меня доктор.

Я с недоумением поглядел на доктора, удивляясь столь быстрой смене разговора.

— Хорошо.

— Желудком не страдаете?

— Нет.

— Не правда-ли осенью вы чувствуете себя бодрее, чем весной или даже летом?

— Пожалуй, так.

— А вы знаете, — продолжал доктор, — что яблоки — лечебное средство?

— Яблоки?

Мы вопросительно глядели на доктора, не зная, говорит-ли он серьезно, или шутит.

— Да, да эти самые яблоки... Они служат прекрасным лекарством против... дизентерии у детей. Возьмите зрелое, с рыхлой мякотью яблоко, протрите на стеклянной терке, удалив кожицу и все семечки. У вас получится пюре. Им и кормите больного ребенка. Уверяю вас, что он поправится в несколько дней... Вот почему вы осенью чувствуете себя лучше. В яблоках много витаминов.

Доктор подошел к столу и рассмеялся.

— Я вижу, вы постарались для сегодняшнего дня.

— Попробуйте, попробуйте и моих изделий,— сказала жена, приглашая доктора к столу.— Вот повидло из мелких яблок.

— Вы — мастерица,— сказал доктор, уничтожая бутерброд с повидлом.— Лучше, чем в магазине.

Доктор поглядел на стол и вдруг с удивлением воскликнул:

— Да тут и земляника! Откуда она взялась в конце сентября!

— В прошлом году мы пили чай с земляничкой даже в ноябре. Земляника у нас цветет и дает ягоды вплоть до снега. И под снег уходит с ягодами и цветами.

— У вас здесь и крыжовник, и вишня, и варенье из яблок, и яблочное повидло. Вы устроили настоящий яблочный пир.

Доктор неожиданно встал из-за стола, взял мою гитару и заиграл торжественный марш.

— Это победное шествие упорного человека, одолевающего природу!— сказал доктор, положив гитару.

Сады будущего

Когда я стал писать эту книгу, я невольно оглянулся на прошлую жизнь.

Я уже старик. Плохо вижу даже в очках, руки мои трясутся, я уже не могу работать с лупой.

Годы моих неудач прошли главным образом в дореволюционное время. Мы — садоводы-опытники: Рудый, Перевошиков, Жуков и другие — в одиночку работали на своих маленьких клочках.

Нам никто не помогал. Наоборот, царские чиновники смотрели на наши опыты с пренебрежением и усмешкой.

Теперь не то. Партия сделала великие достижения Мичурина достоянием всех трудящихся.

По всей стране на десятках тысяч гектаров закладываются плодовые сады из мичуринских сортов.

Пройдет года два-три, и не будет ни одного колхоза, где бы ни расцветал плодовый сад.

Яблоня, виноград, груша и другие культурные сорта двигаются с юга на север, к полярному кругу.

В моем саду тесно. Мое единоличное хозяйство уже давно связывало меня по рукам и ногам. На своем маленьком клочке я давно не мог производить новых посадок. Земли нехватало даже для старых деревьев.

Отныне я буду работать в городском питомнике. Там есть где развернуться—у питомника шестьдесят гектаров. Туда я перенесу свои опытные работы.

А мой сад будет одним из пунктов гибридизации. Каждый питомник может производить здесь гибридизацию, брать гибридные плоды и из семян выращивать новые сорта.

На Урале волею партии начинает быстро развиваться плодоводство.

В Свердловске, в питомнике благоустройства города, уже имеется маточный сад. В пятидесяти километрах от города организован молодежный питомник.

В Перми, в Тагиле, в Кунгуре, в разных местах Урала закладываются новые плодородные питомники.

Я представляю себе, что будет в колхозах и городах через несколько лет.

Вот детский сад. Около него небольшая площадка для игр. Она огорожена легкой изгородью. Около изгороди дети обработали грядки и посадили отводками или семенами ягодники: вишню, смородину, малину, крыжовник. Всего понемногу. Устроили клумбы для цветов. На одной клумбе растут многолетние цветы, а на другой — летники.

Устроили грядку для выращивания из семян подвоев для яблони. Сами посеяли семена. Сами после всходов рассадили их. Сами, когда пришло время, привили их глазками или черенками культурных яблонь.

Я знаю, что если малыш сам посадит семячко, сам будет рассаживать, пересаживать, поливать растение, оно ему будет так мило и дорого, что он никому не позволит его обижать, не позволит и рвать с него недозревшие еще плоды. Он сам убедится, что плод только тогда будет сочным и вкусным, когда достигнет полной зрелости.

Пионеры-школьники первыми „омичуринят“ школьные сады и площадки. Они вместе с комсомолом проведут „омичуривание“ приусадебных участков.

Вот площадь с огромным чудесным сквером. Вокруг него вместо тополей стоят мощные грушевые деревья. Это — груша уссурийская. Вместо кустиков — местная карликовая вишня, обвешенная блестящими темнокрасными ягодами. По углам внутри сквера горделиво стоят высокие кедры, усеянные шишками.

На бульварах и улицах стройной аллеей вытянулись яблони, сливы, черемухи, крыжовник.

Никто не обрывает спелых плодов. Каждый прохожий вспоминает тот день, когда он сам сажал эти деревья и кустарники.

В специальных плодоягодных магазинах есть все, что можно сделать из плодов и ягод: мармелад и пастила яблочная, консервированные вишни, актинидия и крыжовник, сушеные и засахаренные фрукты и ягоды, маринады и всевозможные вина вплоть до шампанского, виноградный сок и яблочное сидро.

Миллионы колхозников-мичуринцев, комсомольцев и пионеров упорно осуществляют лозунг замечательного учителя-плодовода: „Мы не можем ждать милостей от природы. Взять их у нее — наша задача“.

Недалеко то время, когда наша социалистическая родина вся покроется цветущими садами.

СОДЕРЖАНИЕ

Уральские яблочки	3
Сад на свалке	8
Мои путешественники	15
Ошибки	22
Яблоко! Яблоко!	28
В гостях у Перевощикова	36
Зеленое яблоко	43
Ценные посылки	45
Последние жертвы	50
Перекрестное опыление	53
Тайные враги	58
Крылатые друзья	62
Великий мастер	65
Рассказы о победах	72
Праздник садоводства	75
Козлов и Мичуринск.	78
Мой сад сегодня	81
Яблочный пир	88
Сады будущего	92

Яблочный пир

Цена 90 коп. Переплет 30 коп.

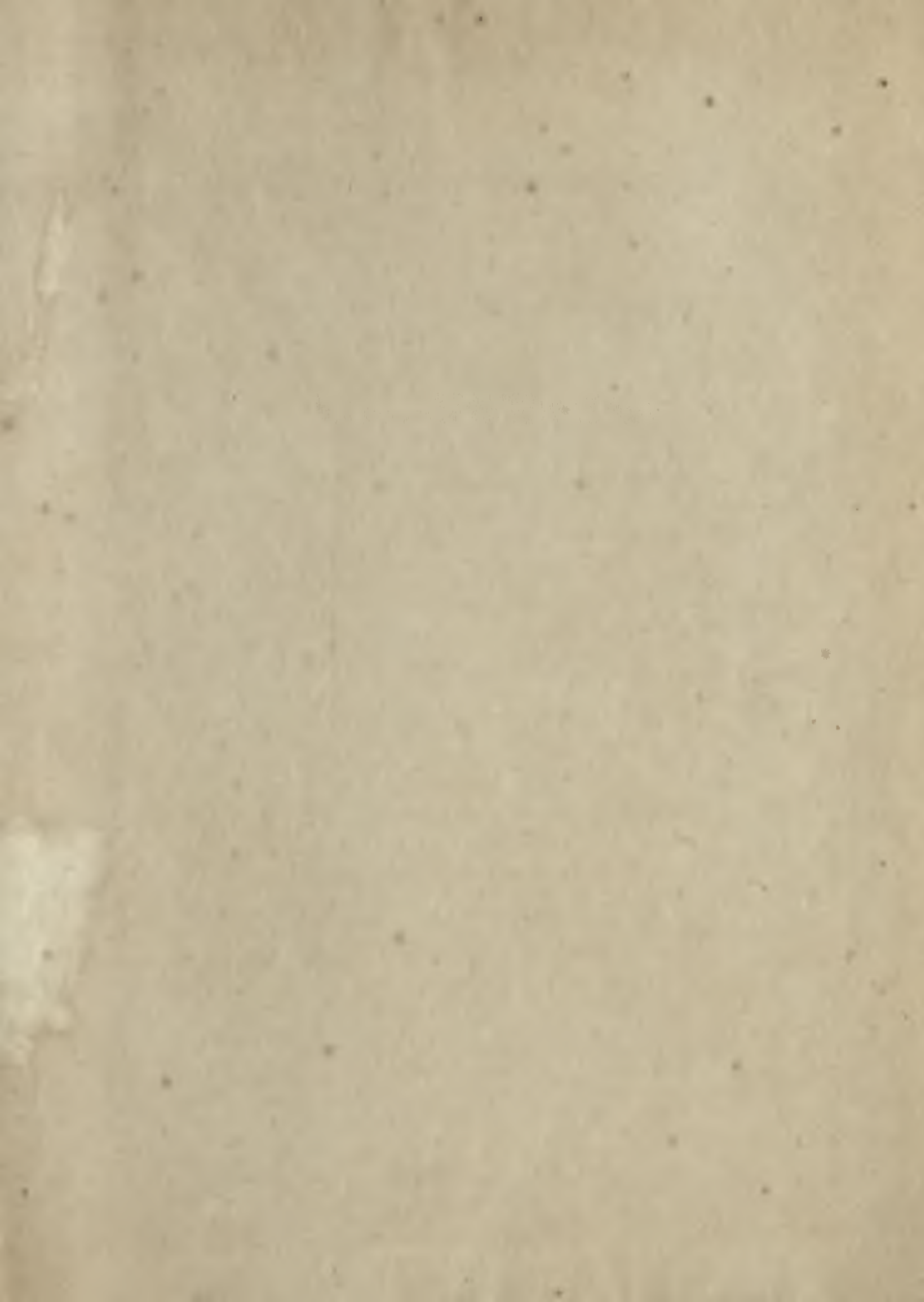
Редактор К. В. Рождественская.

Техническая редакция и корректура П. И. Ратушный.

Сдано в набор 5/VII—1935 г. Подписано к печати 20/VIII—1935 г. Формат 614 × 868/16. Тираж 10000. Печатных листов — 6. Бумажных листов — 3. Учетно-авторских листов — 3,28. Знаков в печатном листе 67200. Индекс V-Д 9. ОГИЗ № 1234. Бумага Добрушской фабрики. Уполномоченный Свердловллиты В-2060.

Работа выполнена в Свердловской типографии Огиза РСФСР. Банковский пер., д. № 3. Заказ № 565.

1 р. 20 к.

№ 10019

